

НОРА РОБЕРТС

Просто будь рядом

Впервые на русском!

*Темное прошлое
преследует героев романа.
В жестоком мире, лишенном
надежды, им удастся сохранить
главное и найти единственное
спасение – любовь...*

USA Today

Нора Робертс
Просто будь рядом
Серия «Ева Даллас», книга 39

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986900

Просто будь рядом / Нора Робертс ; [пер. с англ. Н. А. Мироновой]: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61476-9

Аннотация

Из тюрьмы строгого режима сбежал опасный маньяк Айзек Макквин. Он был первым арестованным Евой Даллас, лейтенантом полицейского управления города Нью-Йорка. Преступник жаждет реванша. Муж Евы, не раздумывая, встает на защиту любимой. Преследуя Макквина, они отправляются из Нью-Йорка в Даллас, родной город Евы, с которым у нее связано много трагических воспоминаний. Вместе у них есть шанс справиться с грядущим испытанием. Но как долго им удастся оставаться вместе?

Содержание

1	5
2	14
3	22
4	34
5	43
6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нора Робертс

Просто будь рядом

© Миронова Н., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Настоящее – это суммарно взятое прошлое.
Томас Карлейль

До дней любви чем были мы с тобой?
Джон Донн

1

На исходе лета если уж дождь зарядит, то это надолго.

«Хоть бы Бог послал мне убийство!» – думала лейтенант Ева Даллас, уныло глядя в крохотное окошко своего кабинета все в дождевых потоках. Послал – во спасение: только мокрое дело освободит ее сейчас от бумажной мороки. Альпийские горы незаполненных документов высились на столе, наводя на нее зубодробительную тоску. И сколько она ни убеждала себя, что это бумагомарание – часть полицейской работы, легче не становилось.

Запасшись равновеликим альпийским масштабам количеством кофе, Ева заперлась в кабинете и, оттягивая неотвратимый момент, когда придется-таки сдвинуть с места ворох бумаг, предалась размышлениям. Что-то мирно люди живут... Вот бы кто-то кого-нибудь грохнул – прямо сейчас... Тогда она занялась бы расследованием, а не тупо сидела бы за столом. Впрочем, вся эта бумажная волокита останется ей на потом. За сколько расследований она еще не отчиталась?

Вздохнув, она вытаращилась на цифры, в которых должна была навести порядок. Сначала – бюджет департамента. Расходы. Ага. Вот тут надо поджать, там подогнать... А что поделаешь? Копы, между прочим, не питаются воздухом.

После финансовых отчетов Ева взялась за накладные расходы своих подчиненных.

Бакстер. Новые ботинки? Да еще за три с половиной сотни? Ого! Преследовал преступника по канализации и лишился штиблет. Ха-ха. Глядеть под ноги нужно, особенно в отхожем месте.

Рейники. Информация от проститутки. Отлично. Однако в расходном отчете проставлен двойной тариф. А парень-то не промах...

Ева подняла глаза от экрана и посмотрела в окно. Все те же косые струи дождя. Хорошо, что она тут, а не парится в аэротрамвае, стиснутая со всех сторон мокрыми пассажирами. Лето 2060 года в Нью-Йорке было сплошной парилкой, и, чтобы почувствовать себя моллюском на блюде, не требовалось буйной фантазии.

Ладно, хватит, оборвала себя лейтенант Даллас и отхлебнула кофе. Надо быстро заканчивать с документами, а то и награду получить не успеешь: время уже поджидает.

Она и ее напарница Пибоди отличились, и теперь их ждало награждение. Пибоди молодец, не в первый раз подумала Ева, – это с ее подачи разоблачили целую шайку продажных копов! И Ева исхлопотала для Пибоди медаль «За особые заслуги и высокие моральные качества», что ее радовало, несмотря на должностную необходимость ковыряться в бумагах. Еще парочка – и она получит возможность отдаться радости церемонии награждения со свободной от цифр головой и чистой совестью.

Еве вдруг страшно захотелось шоколаду. Вот только нового места, куда его можно было бы надежно упрятать от подлого Шоколадного вора, она еще не придумала. Жаль, что Пибоди давно повысили с должности ее помощницы до напарницы и на нее нельзя, как раньше, спихнуть часть бумажного бремени...

А славные были денечки.

Опять тянешь время, констатировала она и запустила руку в копну коротких темно-каштановых патл. Стрижка ее была далека от элегантности.

Ценой невероятных усилий Ева пробилась сквозь отчеты по накладным и отправила результаты начальству.

Теперь это их проблема, не без злорадства сказала она себе в утешение. А характеристики подождут.

– Сделал дело – гуляй смело, – сказала она вслух.

Невозможно выполнить команду, – отозвался компьютер.

– Я закончила.

Неверное утверждение. Приказано выключить систему только после заполнения всех заявленных отчетов и характеристик. Приказ исходит от лейтенанта Евы Даллас. Приказ первоочередной важности может быть аннулирован только в случае пожара, террористической атаки, инопланетного вторжения или требующего ее участия расследования убийства.

Черт, неужели это она сама придумала?

– Планы изменились, – строго подтвердила она вслух.

В приказе оговаривается, что изменение планов, утомление, скука и прочие жалкие отговорки не имеют силы...

– Ну, ты еще укуси меня... – пробормотала Ева.

Невозможно выполнить команду...

– Ладно, ладно. Компьютер, вывести на экран характеристики на всех офицеров моего отдела за предыдущий период, в алфавитном порядке, – скомандовала Ева и снова принялась за работу.

Да уж, спасибо, удружила она себе. Но это все потому, что она была строга к себе. И отлично знала, что каждый из ее подчиненных заслужил честную и основательно составленную характеристику, сколько бы у нее на это ни ушло сил и времени.

Ева уже одолела характеристики Бакстера, обоих Кармайклов и собиралась было взяться за Джеймсона, но раздался стук в дверь.

– Ну что там? – проворчала она, бросив взгляд на вошедшую Пибоди. – Инопланетное вторжение?

– Не похоже. Парень тут. Дерганный весь какой-то, на нервах, рвется говорить только с тобой. Якобы это вопрос жизни и смерти.

– Да-а? – вскинулась Ева. – Компьютер, аннулировать приказ, вопрос жизни и смерти. Сохранить данные и перейти в режим ожидания.

Требуется подтверждение...

– Пибоди, подтверди этому чертову ящику – человек требует моего присутствия! Вопрос жизни и смерти!

– Э-э-э. Компьютер, детектив Делия Пибоди требует присутствия лейтенанта Даллас, вопрос жизни и смерти.

Подтверждение принято. Сохраняю данные, перехожу в режим ожидания.

– Ну и стыд. Собственный комп мне не доверяет, – хмыкнула Ева, в сердцах саданув по компьютеру кулаком.

– Ты же сама его так запрограммировала!

– Все равно обидно. Ну где там вопрос жизни и смерти?

В кабинет ввалился парень – тощий, лет тридцати. Красные шорты, гелевые шлепанцы, в вырезе белой футболки на плечах проглядывает татуировка. На голове гнездо из косичек-дредов, в губе серебряное кольцо. По бледной изможденной физиономии градом катится пот.

– Вы – Даллас? Лейтенант Ева Даллас, Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка, отдел убийств?

– Все точно. А в чем... – начала было Ева, но парень разразился рыданиями.

– Он сказал... Он велел говорить только с вами... Бежать прямо к вам. Он ее схватил. Он схватил Джули. Сказал, что убьет ее, если я не приведу вас. Сказал, у меня только час, а я уже полчаса потратил, пока добрался до вас!

Он бормотал все это толчками, дрожа и захлебываясь. Ева вскочила и силой усадила его в свое кресло.

– Подбери сопли и давай все сначала, помедленнее. Как тебя звать?

– Трей. Трей Шустер.

– Кто этот «он»?

– Не знаю. Он забрался ко мне в квартиру. К нам в квартиру. Мы с ней съехались на прошлой неделе. Мы проснулись, а он уже там. Он связал нас. Позавтракал и... неважно. Идемте со мной! А то он убьет ее! Черт... Забыл! Забыл вам сказать! Он велел передать вам, что начался второй раунд. Пожалуйста, я вас умоляю, у него нож! Он зарежет ее. Он сказал, что если вы не приедете или приедет кто-то другой, то он убьет ее...

– Куда ехать?

– Ко мне. К... к нам.

– Куда именно?

– Мюррей-стрит, дом девятьсот пятьдесят восемь.

Ева знала этот адрес. Внутри у нее похолодело.

– Квартира триста три?

– Да, – пробормотал он. – А откуда вы...

– Сиди тут, Трей.

– Но...

– Я сказала, сиди.

Ева быстрым шагом вышла из кабинета в «загон».

– Пибоди, – скомандовала она, мгновенно окидывая взглядом столы, – Бакстер, Трухарт, Кармайкл, Санчес. Бросайте все и за мной. Подозреваемый Айзек Макквин взял заложницу, адрес – Мюррей-стрит, девятьсот пятьдесят восемь, квартира триста три. Подозреваемый вооружен и чрезвычайно опасен. Подробности – по дороге, у нас тридцать минут, чтобы добраться. Кармайкл, Санчес, возьмете с собой свидетеля, он у меня в кабинете. Из машины его не выпускать. Пибоди, за мной. Шевелитесь!

– Айзек Макквин? – переспросила, стараясь не отставать от Евы, Пибоди. – Тот самый? Коллекционер? Он же в «Райкерс», на пожизненном.

– Проверь. Либо сбежал, либо кто-то выдает себя за него. Это была его квартира. Там он держал...

«Всех своих жертв. Девочек. Всех тех девочек», – закончила она про себя.

– Он взял в заложницы подружку этого парня, – продолжила Ева, спеша к лифту. – Послал его за мной, именно за мной. Именно в этой квартире я его и арестовала.

– Нет ни новостей, ни срочных... погоди-ка, – осеклась Пибоди, нажимая что-то на своем наладоннике. – У них тут втихаря объявлена внутренняя тревога. Макквин совершил побег. Вчера. Они даже начальству не сообщили. Убил медбрата и сбежал из лазарета, переодевшись в его одежду и взяв его пропуск. – Пибоди взглянула на Еву. – Просто вышел через дверь...

– И войдет у меня назад как миленький, – бросила Ева, рванув из лифта к машине. – Сообщи майору Уитни, пусть вставит тюремному начальству как следует. Заложницу он убивать не собирается, – бормотала она, вырубивая со стоянки. – Стал бы Макквин сбегать, чтобы пощекотать ножом чью-то подружку! Он умный. Дисциплинированный. У него явно есть план. Ему нужно что-то конкретное. Своих жертв он не убивает – по крайней мере, если они держатся и не выводят его из себя. Он их коллекционирует. Джули эта ему не интересна. Она для него слишком взрослая.

Пибоди закончила набирать сообщение Уитни и обернулась к Еве:

– Она приманка. Приманка для тебя.

– Да, но все это нелогично. Так он просто сам даст засадить себя в тюрьму, как в прошлый раз.

Нелогично, повторила про себя Ева, но все же приказала Пибоди вызвать подкрепление и включила встроенный в подаренные мужем часы коммуникатор.

– Кармайкл, вы с Санчесом берете черный ход. Подкрепление на подходе. Бакстер, Трухарт, вы со мной и Пибоди. Надеть бронежилеты.

Ева покачала головой, на лету протиснувшись в просвет между двумя такси.

– Не станет он нас там ждать. Не может быть, чтобы он сам загнал себя в угол. Он знает, что я приду – и приду не одна.

– Может, он хочет, чтобы ты так решила, и это все же ловушка?

– Ну вот мы и выясним...

Ева окинула взглядом здание. Выцветший розоватый кирпич, фигурные решетки на окнах – одно из переживших Городские войны просторных строений, переоборудованных под многоквартирный дом. Он явно знал лучшие времена – лет сто тому назад, – но покуда еще стоял.

Двери выходили прямо на тротуар, никаких тебе систем безопасности. Недорогой район для работяг. Большинство их возвращаются домой только по вечерам, а дальше телик с бутылкой пива – в чужие дела никто и носа не сунет.

Потому-то Айзек Макквин беспрепятственно занимался своими делишками почти три полных года. И навсегда исковеркал жизни двадцати шести девочек. Всем им тогда было от двенадцати до пятнадцати.

– Защитные экраны задействованы, – заметила Ева. – Если Макквин все еще там, он знает, что мы прибыли. В тюрьме он наверняка наладил новые связи. Лицедей чертов. Умеет разыграть из себя обаяшку. Хитрый лис. Что касается ножа, он мог найти себе что-нибудь и подальшебойнее... Двигаемся быстро, из прикрытия не выходим.

Она снова связалась с группой и дала команду на выдвижение.

Сама пошла первой. Поднимаясь по лестнице с оружием на изготовку, Ева отключила воспоминания. Во рту у нее пересохло, мысли сошлись в одной точке.

– Давай просканирую дверь, – прошептала Пибоди. – Он мог ее заминировать.

– Прямо за дверью гостиная, за ней кухня, справа от нее – столовая. Две спальни, одна направо, другая налево. Ванная примыкает к той, что справа, и еще одна поменьше – за кухней. Большая квартирка. Почти пятьсот квадратных футов¹.

– Дверь чистая, – сообщила Пибоди.

– Бакстер, идешь последним. Трухарт, Пибоди, налево, я направо, – командовала Ева и кивнула держащему наготове таран Трухарту. Пальцами выбросила обратный отсчет: три, два, один!

Замки треснули, дверь слетела с петель. Ева, вся во власти мгновения, ворвалась в квартиру и, не вставая с колена, взяла под прицел сектор справа от входа. За спиной у нее дружно бухали ботинками влетающие следом члены команды.

Плечом толкнув дверь в спальню и не опуская оружия, Ева быстро осмотрела комнату. Мысленно отметила женщину на кровати, но продолжила осматривать помещение – слева, справа, в стенном шкафу, ванную. Из других комнат один за другим раздавались выкрики: «Чисто!»

– Сюда! – крикнула Ева и только теперь подбежала к кровати. – Все в порядке. Вы в безопасности. Мы из полиции.

Она вынула из разбитого рта женщины кляп. Из ее опухших губ вырывался лишь нечленораздельный шепот и стоны.

Макквин раздел ее – в этом он не изменил своей привычке. Ева не успела и слова сказать, а Трухарт уже схватил с полу покрывало и накрыл им дрожащую пленницу. Его юное лицо излучало сочувствие.

– Все будет в порядке, – проговорил он. – Вы теперь в безопасности.

¹ Фут равен 30,48 см. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Больно. Он сделал мне больно...

Подождевшая Пибоди сняла с крючка на стене скрученную жгутом простыню, которой Макквин связал женщине руки.

– Больше он вам уже не сделает больно! – Ева села на кровать, прижав к себе разрыдавшуюся Джули.

– Он обещал, что, если Трей все выполнит, он меня не тронет, но он обманул. Обманул. Он меня изнасиловал, он сделал мне больно – и это вот...

Но Ева уже заметила. На левой груди Джули в ореоле сердечка красным было вытатуировано 27.

– «Скорая» уже едет, – доложил Бакстер. Отведя Еву на пару шагов от кровати, он тихо добавил: – Психолог, занимающийся жертвами насилия, здесь. Вызвать «чистильщиков», чтобы прочесали квартиру?

Какая разница, подумала Ева. Макквин оставил здесь только то, что захотел оставить.

– Сообщи ее приятелю, что она в безопасности. Он может поехать с ней в больницу. Пожалуйста, выйдите с Трухарттом отсюда. Пибоди, найди Джули какую-нибудь одежду. Сейчас вам пока нельзя одеваться. – Она подошла к кровати и поймала взгляд женщины. – Сначала вас нужно будет осмотреть и задать кое-какие вопросы. Я понимаю, это тяжело. Но знайте: Трей сделал все возможное, чтобы как можно скорее добраться до меня и привести нас сюда.

– Трей не хотел уходить. Умолял послать меня вместо него. Не хотел оставлять меня с ним.

– Я знаю. Его зовут Айзек Макквин. Он должен был вам что-то сказать. Что-то, что вы должны передать мне.

– Он сказал, что я ему не подхожу. Что я... недостаточно свежа. Но он сделает для меня исключение. Я не могла его остановить. Он сделал мне больно, связал меня... – Все еще дрожа, Джули показала свежие кровоподтеки на запястьях. – Я не смогла отбиться.

– Я знаю. Джули, я – лейтенант Даллас. Ева Даллас. Что Айзек Макквин просил мне передать?

– Даллас? Вы – Даллас?

– Да. Что он просил мне передать?

– Он сказал, что вы всем обязаны ему. Что пора расплачиваться по счетам. Я хочу к маме, – добавила она, закрыв лицо руками. – Я хочу к маме!

Глупо было отдаваться на откуп чувству бессилия. Предотвратить то, что пришлось пережить Джули Копески и Трею Шустеру, она не могла. И отменить для них последствия случившегося – тоже.

Ей была известна патология Айзека Макквина, она знала, какие мучения он любил доставлять своим жертвам. Он изощреннейшим образом умел внушать им чувство беспомощности, безнадежности, убеждать их беспрекословно выполнять все его указания – что, как и когда они должны делать.

Она знала, что испытывали его жертвы, хотя сам Макквин никогда не был ее мучителем.

У нее был свой собственный.

Предаваться воспоминаниям или думать о всех тех девочках, которых она спасла, – было пустое. Как и о тех, кого не успела спасти – тогда, двенадцать лет назад, когда она взглянула в глаза чудовищу и распознала его под маской, за какой его прятал изверг.

Уже в больнице она отвела Трея в сторону:

– Ее нужно осмотреть, а потом она должна поговорить с психологом.

– О господи... Господи, нельзя было оставлять ее там!

– Если б ты не подчинился, она была бы уже мертва и ты тоже. Он причинил ей боль и надругался над нею. Но она жива. И хорошо бы вам помнить об этом. Живым-то быть лучше, а? Ты говоришь, когда вы проснулись, он был в квартире?

– Да.

– Расскажи-ка поподробнее.

– Проснулись мы поздно, ну или мне так показалось...

– Во сколько?

– Не знаю. Около восьми где-то. Я проснулся и думаю: вот черт, на работу опоздали. И странно мне как-то... голова дурная, как с перепоем, но ничего такого не было, – быстро добавил он, – клянусь. Джули даже «травкой» не балуется.

– Вам обоим придется сдать анализ крови, – отозвалась Ева.

– Да клянусь вам, мы ничего такого не принимали! Я бы не скрыл! Он сказал, что дал что-то Джули, но...

– Вполне вероятно, он накачал вас дурью. Анализ покажет, чем именно. Трей, никто вам не станет шить наркоту.

– Ладно, ладно. Извините. – Он с силой потер глаза. – Голова что-то не варит...

– Что ты дальше сделал, когда проснулся?

– Я... я толкнул Джули, сказал, что надо бежать, ну, в общем... А она как вырубилась. Я ее перевернуть на спину попробовал – а у нее рот заклеен. Думал, она так прикалывается, засмеялся. Смотрю – а он стоит там. Просто стоит и все. Потом схватил меня за волосы, запрокинул мне голову и нож к горлу приставил. Спросил: жить хочешь? А она? Сказал, нужно делать все, что он скажет, и останемся жить. Эх, зря я не сопротивлялся...

– Макквин тебя фунтов² на семьдесят тяжелее, а то и больше. Плюс у него нож. Если б он пустил его в дело, что было бы с Джули?

– Не знаю... – Трей ладонями отирал со щек слезы, но они лились и лились. – Даже думать страшно. Я испугался. Сказал, что денег у нас немного, пусть берет все, что хочет. Он поблагодарил меня, весь из себя такой вежливый... От этого еще страшней сделалось. У него с собой были пластиковые наручники, он мне велел надеть их и сесть на пол у самой кровати. Я так и сделал. Джули все не просыпалась. Вот тут он мне и сказал, что дал ей кое-что, чтоб мы спокойненько побеседовали. Взял еще пару наручников, нацепил мне на ноги и приковал за руки к кровати, заклеил мне рот и сказал, чтобы я сидел тихо, он скоро вернется.

– И вышел из комнаты?

– Я подергался, но высвободиться не получилось. – Трей рассеянно тер синяки на запястьях. – Потом пахло кофе. Сукин сын пошел кофе себе варить! Вернулся с чашкой и тарелкой хлопьев. Сел рядом, снял скотч и давай вопросы мне задавать: сколько мне лет, сколько лет Джули, а сам завтракает. Как давно мы живем вместе, какие планы на будущее? Когда в эту квартиру переехали... Знаем ли, кто тут до нас жил...

Трей нервно вздохнул, переводя дыхание.

– И все улыбался... Типа в самом деле хотел с нами поближе познакомиться.

– Долго вы разговаривали?

– Разговаривал больше он, не знаю сколько. Все дико как-то было, понимаете? Он мне сказал, что раньше это была его квартира, но он надолго уезжал. Покритиковал цвет обоев в спальне. Козел.

Он замолчал, бросил взгляд на дверь процедурной.

– Скоро мне к ней можно будет?

– Они еще заняты. Джули сама проснулась?

² Американский фунт равен 454 г.

– Он позавтракал, даже посуду на кухню отнес. Вернулся и еще что-то вколол ей. Я прямо спятил, кричал, вырваться пытался. Думал, он ее в живых не оставит. Думал...

– Но он оставил. Помни это!

– Я ничего не мог сделать. Он меня пару раз по щекам ударил. Несильно так шлепнул. Это тоже было жутко. Сказал, если буду плохо себя вести, он – о господи! – сказал, что отрежет ей левый сосок. Сказал, это будет моя вина и как мне потом понравится с этим жить? Он взял крюк, Джули на таких горшки с цветами подвешивала, вкрутил его в стену. Связал ей руки простыней и подвесил за этот крюк так, чтоб она сидела. Она пришла в себя, жутко испугалась. Пыталась кричать, вырваться. Тогда он ей тоже нож к горлу приставил, и она затихла. Он ее похвалил, назвал умной девочкой и сказал, что у меня теперь есть выбор. Он может либо начать ее резать – соски, пальцы, уши, всю ее по кусочкам нарежет, пока она не умрет, либо я за час доберусь до отдела убийств в Центральном управлении, найду лейтенанта Еву Даллас, передам ей его сообщение и приведу с собой обратно. Если за час не обернусь, он убьет Джули. Если свяжусь с кем-нибудь еще, он убьет Джули. Если попробую найти вас не лично, а по телефону, он убьет Джули. Я сказал, что сделаю все, что он хочет, пусть только ее отпустит. Пусть пошлет Джули вместо меня.

Трей снова принялся вытирать слезы.

– Я не хотел ее оставлять с ним! Но он сказал, если я еще раз заговорю об этом, или о чем-нибудь еще, или вообще стану ему перечить, он отрежет от нее кусок в назидание. Я не стал спорить.

– И правильно сделал, – одобрительно кивнула Ева.

– Он сказал мне, что передать вам, заставил все несколько раз повторить. А сам все это время держал нож у ее горла. Потом срезал с меня наручники, кинул мне одежду и шлепанцы. Сказал: у меня шестьдесят минут. Если я вернусь через шестьдесят одну, Джули умрет, потому что я не сделал, что мне было велено. Я побежал. Ни денег, ни кредитки у меня – ни в такси, ни в автобус сесть. Может, если б я нашел какого-нибудь другого копа, поскорее, он бы не успел помучить ее?

– Может. А может, он бы ей просто горло перерезал. Времени на это нужно немного. Но она жива. Я знаю этого человека, и, поверь, все могло закончиться гораздо хуже.

Ева вытащила из кармана визитку и протянула Трею.

– Тебе нужно будет с кем-нибудь обо всем этом поговорить. Не с полицейским. Когда будешь готов, позвони мне, я дам тебе пару контактов, – пообещала она уже почти на ходу и вышла из больницы, мыслями вернувшись к отчетам. Кажется, утром кто-то мечтал об убийстве? Однако случившееся было куда как страшнее...

В управлении Ева прямо в «загоне» провела экспресс-инструктаж по Айзеку Макквину.

– Преступник – мужчина, тридцать девять лет, шатен, глаза голубые, но цвет глаз и волос регулярно меняет. Рост шесть футов, три дюйма³, вес двести двадцать фунтов. Изучал единоборства, искусно владеет навыками рукопашного боя, включая несколько видов боевых искусств, в тюрьме поддерживал себя в хорошей форме.

Она вывела на экран тюремное фото. Двенадцать лет за решеткой заострили черты этого, с позволения сказать, лица. Просилось – мурла. Она знала – женщины находят его красивым и привлекательным с этой его манерой неторопливо, заигрывающе улыбаться. Почти что женственные полные губы, на щеках ямочки.

Все это предательски служило приманкой для будущих жертв.

³ Дюйм равен примерно 2,5 см.

– В качестве оружия и средства устрашения предпочитает нож. Мать была наркоманкой и весьма искусной мошенницей, научила его азам профессии. Вступила с ним в половую связь; выходя на дело, они частенько работали под влюбленную парочку. Она потакала его гнусному увлечению, помогала ему, а весной 2040-го ее выловили из реки с перерезанным горлом. Считается, что это Макквин ее и убил, хотя сам он в том не сознался. Ему было тогда девятнадцать. Считается, что он причастен к похищению не менее чем десяти несовершеннолетних девочек в Филадельфии, Балтиморе и окрестностях. Его имя связано также с убийствами Карлы Бинэм, сорок пять лет, из Филадельфии, и Патриции Копли, сорок два, из Балтимора. Обе были наркоманками, обе одно время сожительствовали с ним и помогали ему охотиться каждая в своем городе, пока не были выловлены из реки с перерезанным горлом. У местных прокуроров то ли доказательств не хватило, то ли кишка оказалась тонка с ним тягаться, но обвинений в этих убийствах ему предъявлено не было.

«Но это он убил их, – добавила про себя Ева. – И не их одних».

– С 2045-го по 2048-й Макквин жил и подыскивал себе жертв в Нью-Йорке. Помогала ему Бет Дрейпер, сорока четырех лет, тоже ничего себе штучка. В это время Макквин отточил свои навыки и приобрел ряд полезных умений. Они с Дрейпер жили на Нижнем Вест-Сайде, на жизнь зарабатывали мошенничеством с документами и электронными подставами – из числа новоприобретенных полезных умений. Жертв своих он уже больше не продавал, а оставлял себе. В Нью-Йорке их было двадцать шесть – девочек двенадцати-пятнадцати лет, кого он похитил, насиловал, пытал, избивал и сворачивал набекрень им мозги. Всех он держал у себя в квартире, в отдельной комнате, прикованными к стене. Квартира была звукоизолирована, окна в комнате заколочены. На этом этапе он стал пометать своих жертв татуировкой на левой груди – порядковый номер в ореоле сердечка. При аресте в его квартире были найдены двадцать две девочки.

И все они по-прежнему стоят у нее перед глазами, все до последней.

– Еще четырех не нашли. Даже тел не обнаружили. Поскольку Макквин часто похищал сбежавших из дому, имена их неизвестны.

Макквин – самовлюбленный социопат и агрессивный педофил, из настоящих хищников. Легко перевоплощается и мимикрирует. Взрослых женщин использует как напарниц, для прикрытия, замены матери, для подпитки самомнения, после чего от них избавляется. Тело Бет Дрейпер нашли в Гудзоне, убита за день до его ареста. Вероятно, Макквин собирался перебраться куда-то: в другой город либо просто к другой напарнице.

Ева ставила на второй вариант.

– Никаких признательных показаний от него получить не удалось даже после длительных допросов. Осужден за многократное похищение, незаконное лишение свободы, изнасилование, нанесение побоев, получил несколько пожизненных в разных точках планеты без возможности досрочного освобождения, отбывал в «Райкерс», где, если верить отзывам начальства, считался примерным осужденным...

Кто-то с отвращением сплюнул. Ева из внутреннего единодушия замечания делать не стала.

– ...вплоть до вчерашнего дня, когда, перерезав горло медбрату, сбежал. Вернувшись в свою прежнюю квартиру, Макквин связал проживающих в ней теперь парня и девушку и под угрозой убийства девушки отправил парня разыскать меня, Еву Даллас, после чего избил и изнасиловал девушку. Ей он сделал татуировку с номером двадцать семь. Макквин оставил их в живых, чтобы они передали мне его послание: он вернулся и собирается продолжить с того места, на котором остановился.

Убийства нет, – добавила она, – так что официально это не наше дело.

Ева заметила, как напрягся Бакстер.

– Лейтенант... – начал он.

– Но, – продолжила она тем же тоном, – если паскуда типа Макквина хочет мне что-то сказать, я намерена уделить этому внимание. Ожидаю от вас того же. Всем прочитайте досье. Взять фотографию. Всем, с кем работаете – свидетелям, информаторам, потерпевшим, подозреваемым, приятелям-копам, лоточнику на углу, у которого хот-дог покупаете, – показывайте фото всем. Вертеть головой во все стороны и ушки держать на макушке. Макквин уже подыскивает себе жертву номер двадцать восемь.

Теперь Еве нужно было минутку побыть одной. Она прошла к себе в кабинет, но не успела закрыть глаза, как услышала шаги Пибоди.

– Пибоди, мне нужно написать отчет и потолковать с Уитни. Иди читай досье.

– Я читала его. Мы это дело подробно разбирали в Академии. Ты сама, когда его арестовывала, была зеленой салагой прямо после выпуска, еще в патрульных ходила. Это был твой первый крупный арест. Ты...

– Я в курсе, – огрызнулась Ева. – Я принимала в этом участие.

Пибоди не поддавалась на провокацию и продолжила сверлить Еву серьезным взглядом темных глаз.

– Ты же знаешь, кто он, знаешь, что он из себя представляет, как он действует. Так что ты понимаешь: ради того, чтобы передать тебе это послание, он изменил собственным принципам. Ева, ты ему двенадцати лет жизни стоила. Он будет мстить.

– Возможно. Но я не в его вкусе. Я давно уже не девочка. Я не наивна, не глупа и уж тем более не беззащитна. Скорее он собирается со мной посостязаться. Ему нужно меня победить. И перед ним полон город девчушек, чтобы отомстить мне за эти двенадцать лет заточения, бери – не хочу, – устало добавила Ева, усевшись в кресло. – Пибоди, он не убить меня хочет – по крайней мере не сразу. Он хочет доказать, что умнее меня. Хочет поунижать меня... хотя бы для начала. Вот как он все это себе представляет: он начнет собирать свою коллекцию заново, тем меня и унижит.

– В тюрьме он наверняка наводил о тебе справки. Считает, что может предугадать твои мысли, черт побери!

– Ничего, скоро он узнает, как я действую. Эй, время. Иди переодевайся.

– Можно отложить церемонию, заняться делом.

Джули Копески с застывшими от ужаса глазами и рыдающий Трей Шустер блуждали у Евы в мозгу: ей, в общем, тоже было не до медалей. Но она строптиво мотнула головой.

– Нет, не будем откладывать. И это не наше дело, – добавила она, хотя мысленно уже решила, что без боя его не отдаст. – Теперь проваливай, мне тоже надо переодеться. Не тебе одной медаль получать.

– Ну, у тебя-то это не первая. Ты привыкла?

– Нет, эта – особая. Давай линяй!

Оставшись одна, Ева какое-то время продолжала сидеть в кресле.

«Пибоди права, – думала она, – Макквин меня не знает...»

Унижения она не чувствовала. Она чувствовала дурноту – в сердце, в желудке, в голове. И чувствовала, как в ней растет злоба. И слава богу.

Злость придавала ей сил.

2

В раздевалке управления в нос ей шибанул привычный запах – смесь пота, мыла и чьего-то дешевого одеколona. Плюхнувшись на скамейку, Ева принялась зашнуровывать негнувшиеся черные ботинки. Ох как она их ненавидела! Но форма есть форма. Ева задумчиво пошевелила пальцами ног, рывком поднялась, достала из шкафчика полицейскую фуражку, повернулась к зеркалу и со значением водрузила ее на голову.

Из зеркала на нее взглянула прежняя Ева Даллас – двенадцатью годами моложе, неопытная девчонка с отполированным до блеска жетоном, в треклятых черных ботинках.

И все-таки она уже и тогда была копом. Она твердо знала, кем должна стать. Просто обязана. Но она мало себе представляла, с чем предстоит ей столкнуться и с чем научиться жить.

Испытание, выпавшее на долю молодой, лишь два месяца назад окончившей Академию Евы Даллас за дверью квартиры номер 303 в доме 958 по Мюррей-стрит, куда она поступила одним знойным днем в сентябре 2048 года, было особенным.

Ева помнила тот свой страх, соленый привкус в глотке, ужас, мутной красной пеленой заставший глаза.

Что бы она сделала, случись с ней все это сейчас – при всей ее нынешней многоопытности? Впрочем, что это ей взбрело в голову?

Она выполняла свою работу. О большем копу размышлять не положено.

За спиной скрипнула дверь. Ева отлепилась от зеркала, захлопнула дверцу шкафчика и повернулась. На пороге раздевалки стоял он.

Она предупреждала, чтобы он не подстраивал под нее свое расписание, но Рорк чаще всего делал так, как было удобно ему. Но в этот момент его появление подействовало на Еву успокаивающе. Воспоминания, от которых она рада была бы избавиться навсегда, схлынули.

Он улыбнулся ей. В деловом костюме, черт бы его побрал, он был неотразим!

Атласно поблескивающая черная грива волос достигала плеч. Она знала каждый изгиб его поджарого, мускулистого тела, и все-таки подчас от одного взгляда на Рорка ее вновь и вновь охватывало чувство, будто он крадет ее сердце – с такой ловкостью, словно вернулся к своему воровскому прошлому.

– Люблю женщин в форме! – заметил Рорк, и в его голосе едва заметной серебряной стрункой Ева расслышала отзвук Ирландии – родной земли Рорка.

– Ботинки все портят, – ответила она, не в силах оторвать глаз от его лица. – Я предупреждала: приходите не обязательно, это пустая формальность.

– Ошибаешься, лейтенант, это куда важнее! И пропускать подобную церемонию я не намерен. Я столько лет бегал от копов и даже не подозревал, как сексуальны они в парадной одежде. А может, это только моя женщина? Мой коп.

Форма делала Еву выше, стройнее. Рорк подошел к ней, дотронулся пальцем до ямочки на ее подбородке и чуть потянул его вверх. Скользнул по нему ослепительно-синим взглядом и поцеловал, едва коснувшись губами.

– Что-то не так?

– Да просто работа, – уклончиво ответила Ева, но тут же поняла: он учуял то, чего не мог бы заметить никто другой. – Так, произошло кое-что...

– Нашла новое дело?

– Не совсем. Нет времени объяснять. Но хорошо, что ты пришел. Эта церемония ненадолго, но тебе все же придется послушать речь мэра, вместо того чтобы успеть купить парочку третьих стран...

– И это стоит того! – Рорк еще на секунду задержал пальцы на ее подбородке. – Потом расскажешь.

– Ага, – кивнула Ева.

Может быть, и расскажет. Теперь – сможет рассказать. Встреча с Рорком была еще одним испытанием, самым трудным для нее, но и самым дорогим. Они познакомились тоже на церемонии. На церемонии прощания – похорон. Она была следователем по делу об убийстве, он – подозреваемым с сомнительным прошлым и настораживающим настоящим. Красивей падшего ангела, дьявольски богат и могуществен.

И вот теперь он целиком в ее власти.

Ева взяла его за руку, нащупала обручальное кольцо на его пальце.

– Это долгая история.

– Выкроим для нее время.

– Ладно, но позже. Ты прав, это не пустая формальность. Для Пибоди это много что значит и для детектива Стронг. Это важнее, чем сама медаль – и уж тем более чем какая-то там дурацкая речь мэра. Они это заслужили.

– И вы, лейтенант!

– Я выполнила свою работу, – устало отозвалась Ева.

И они направились к выходу. Но дверь перед ними сама распахнулась. Вошел приятель Пибоди, детектив Иен Макнаб. Куда девался его всегдашний прикид с дикой раскраской компьютерщика, ухлестывающего за модой? Элегантная синяя парадная форма. Даже светлый хвост волос он умудрился запихать под фуражку.

– Здорово, Даллас! – подмигнул он зеленым глазом. – Клево выглядишь. Рорк, супер, что зашел.

– Иен, ты ли это?!

– Что поделаешь, служба, – вздохнул Макнаб, чуть ссутулив суховатые плечи. – Боты вот только жутко неудобные.

– Да, я в курсе.

– Я заскочил сказать: решили все провести на улице, у входа в управление.

– Черт, – не сдержалась Ева.

– Ага, – с пониманием кивнул Макнаб. – Мэр решил, надо побольше зрителей. Пусть посмотрят, кто вывел шайку Рене Оберман на чистую воду. Ну и на него заодно. Небось опять во всех новостях будет. Хорошие копы против плохих и все такое. Ладно, короче, там Пибоди, – он ткнув пальцем себе за спину, – малость перетрухнула. Может, успокоишь ее, чтоб не хлопнулась в обморок, когда мэр ей медаль вручать будет?

– Этого еще не хватало! – Ева широким шагом устремила в «загон», к столу Пибоди.

– Детектив Пибоди, а ну, взять себя в руки! Позор, и, что еще хуже, на мою голову.

– Они собираются все провести на людях, – простонала Пибоди.

– Тебе-то какая разница?

– Ну там же люди, – жалобно повторила Пибоди.

– Начальство и власти города собираются наградить тебя за высокие моральные качества, отвагу и профессионализм, благодаря которым ты помогла вымести грязь из департамента и из нашего города. Грязных, жадных предателей и убийц, прикинувшихся полицейскими. Сейчас они за решеткой. И мне плевать, где тебя собираются награждать, хоть на Центральном вокзале! Подъем! Отставить мандраж и сопли! Это приказ!

– Вообще-то я ожидал чего-нибудь в духе «расслабься, Пибоди, это большая честь» или что-нибудь в этом роде, – прошептал Макнаб Рорку.

– Серьезно? – ухмыльнулся Рорк и покачал головой. – Ну, тебе еще учиться и учиться.

– Есть, мэм! – Пибоди вытянулась по стойке «смирно».

– Господи, какая ты бледная и потная! Беги умойся.

– Ла-адно... – пробормотала Пибоди.

– Пибоди. Черт подери, ты заслужила эту награду! Так что встань как подобает и с гордостью иди получать свою медаль. Не пойдешь с гордостью, клянусь, я тебя пинками под зад туда... – Ева осеклась, заметив, что в дверь кто-то вошел, обернулась и только и успела подумать: «Черт».

– Нет-нет, прошу вас, продолжайте! – весело улыбнулась ей Фиби Пибоди.

– Мама! – завизжала Пибоди, как девчонка. – Папа! Вы приехали!

Она бросилась обнимать их, от радости топоча форменными ботинками.

– Попали в пробку, а то добрались бы скорее! – Сэм Пибоди крепко обнял дочь. – Тебе привет от всех.

– Вы приехали! Вы приехали!

– Ну а как иначе? – Фиби расплылась в счастливой улыбке. – Ах, миленькая моя! Моя милая, храбрая девочка. Мы с папой так гордимся тобой!

– Ой, нет, мам, не надо, я сейчас заплачу, а мне нельзя. У меня приказ.

– Слышали, слышали, – Фиби откинула с миловидного лица длинные темные волосы и шагнула навстречу Еве. Подойдя, она обняла ее и чмокнула в щеку. По ее легкому смеху Ева поняла: Фиби знает, что такие нежности ей не по нраву.

– Как ты впечатляюще смотришься в форме! И весьма сексуально, правда, Сэм?

– Точно, – отозвался мистер Пибоди, и Ева получила новую порцию объятий и поцелуев.

«Детский сад какой-то. И на глазах у всего отдела, – подумала она. – Дурацкие хиппари. Любовь ко всему живому нужно держать в рамках».

И она с облегчением вздохнула, когда старшие Пибоди переключили внимание на Макнаба и Рорка.

– Вечно меня отговаривали идти в полицию, – дернув за рукав, шепнула ей Пибоди. – Так меня любят, хотели, чтоб я от греха подальше дома сидела. Но они и впрямь меня любят, так что не стали мне запрещать. Вот теперь приехали... Теперь уж я точно не хлопнусь в обморок.

– Так держать. После возьми отгул, пообщайся с родителями.

– Но ведь Макквин...

– Не наше дело, Пибоди. Пока не наше. Побудь с родными. Дела дальше могут пойти неважно, так что пользуйся возможностью, пока она есть.

Утренний ливень оставил после себя духоту и жару. Сама Ева, возможно, и предпочла бы ступеням перед управлением что-нибудь менее многолюдное, без суеты и кучи журналистов, но она считала, что Пибоди заслужила свою минуту торжества. Как и детектив Стронг, стоявшая вместе с ними, опираясь на костыли.

Народу собралось тьма-тьмушная, как мэр и хотел, – репортеры, копы, родственники, просто зеваки. Ева, пропуская речи мимо ушей, изучала глазами сборище.

В окружении прочих журналистов, естественно, ближе всех к ступеням стояла Надин Ферст. Такой сюжет – да еще и про своих друзей – она ни за что бы его не пропустила. Была там и штатный психолог департамента, специалист по психологии преступников доктор Мира – в одном из своих элегантных костюмов.

«Нужно будет с ней переговорить о Трее и Джули», – подумала Ева.

Родители Пибоди смотрели на дочь, держась за руки. Рядом с ними стояла лучшая подруга Евы Мэвис Фристоун вместе с мужем и маленькой дочкой. Вот уж кого Ева тут не ждала! Похоже, не поверили они в сказку про ничего не значащую церемонию.

«И не они одни», – признала Ева, заметив в толпе Крэка. Трудно было не заметить могучего негра в татуировках с головы до ног и с серьгами в виде перьев. А рядом с ним стоял

Чарльз Монро, бывший высококлассный лицензированный компаньон, вместе с молодой женой, доктором Луизой Диматто.

С некоторым ужасом Ева заметила, как сквозь толпу прокладывает себе дорогу Трина. Женщина-косметолог пробилась к Мэвис, посюсюкала с малышкой Беллой, а затем, повернувшись, критически оглядела ее саму.

«Черт, – подумала Ева, – надеюсь, у меня из-под фуражки волосы не видны. Хотя Трина наверняка уже все подметила. Глаза у нее – рентген». Ева втайне была уверена, что Трина умеет видеть сквозь любую одежду.

Ева отвернулась, нашла глазами Рорка и решила, что на него ей смотреть гораздо спокойнее.

«Ну разве он не лучше всех? – подумала она и тут же в ужасе отшатнулась, заметив за его плечом напоминающий оживший труп костлявый черный силуэт Коммерсета, дворецкого Рорка и ее личную ходячую головную боль. – Неужели и он здесь? Или от передоза скуки у меня началась белая горячка?»

На ступенях перед входом выстроились все до последнего офицеры ее подразделения, включая ее бывшего напарника, учителя, а в данный момент – капитана отдела электронного сыска Райана Фини. По лицу его было видно, что он стоически терпит происходящее, хотя глаза, как ей показалось, у него уже несколько помутнели.

У нее, вероятно, тоже.

Звук аплодисментов вернул ее к реальности. Ева покосилась на майора Уитни, занимающего место рядом с мэром. Он тоже был облачен в парадную форму, и она, как всегда в таких случаях, вспомнила, что и он был когда-то простым патрульным.

Вместе они подошли к детективу Стронг. Мэр торжественно поблагодарил ее за службу, отметил ее ранение и приколот ей на грудь медаль.

То же повторилось и с Евой. Против мэра лично она ничего особенного не имела. Но рукопожатие Уитни для нее значило куда больше слов очередного политика.

– Отличная работа, лейтенант Даллас.

– Спасибо, сэр.

Настал черед Пибоди, и, услышав, как мэр произносит ее имя, Ева почувствовала прилив гордости. Высокие моральные качества, честь мундира, отвага. Услышав, как Пибоди слегка нетвердым голосом благодарит за оказанную ей честь, Ева – да что уж там! – даже позволила себе ухмыльнуться.

На минуту ей показалось, что, когда стоишь вот так, рядом с двумя непревзойденными копами, и видишь, как улыбается тебе мужчина, которого ты любишь до одури, вся церемония – и потраченное зря время, и суета, и эти официальные фотографии – не такая уж пустая затея.

Потом началась толчея – все полезли пожать руку, хлопнуть по спине. Ева заметила нездоровый блеск в глазах у Пибоди и ударила на опережение:

– Никаких объятий. Копы не обнимаются.

Пибоди посмотрела на Стронг, которую как раз обнимал кто-то из копов.

– Ей можно, – отрезала Ева. – Она получила ранения.

– Ладно, – протянула Пибоди. – Но знай: мысленно я тебя обняла и поцеловала взапас.

– Только попробуй, и ты у меня тоже получишь ранения.

К ним подошел Фини. Свою торчащую во все стороны седеющую рыжую шевелюру он прикрыл глубоко насаженной фуражкой.

– Отлично сработано, детка! – И для подкрепления своей мысли он произвел подобающий копу вид объятия – тычок кулаком в плечо.

– Спасибо.

– Думал, этот мэр так никогда и не заткнется. Но в целом вышло недурно.

К Пибоди подвалил Макнаб. Отвесил ей и поцелуй, и объятия, и даже шлепок по заднице.

– Да, чертовски здорово вышло, – согласился он.

Ева увидела, как к ней приближается Рорк, и испугалась, что, несмотря на все увещевания другим вести себя достойно, ей сейчас несолидно достанется.

Но он просто обеими руками сжал ее руку и посмотрел на нее с такой гордостью, что у нее защипало в глазах.

– Мои поздравления, лейтенант, – сказал он и постучал по медали у нее на груди. – А тебе идет. Райан, – обратился он к Фини, – тебе тоже мои поздравления. Отличным копом она стала, в том числе и благодаря тебе.

Фини, как всегда бывало от удовольствия или смущения, залился краской.

– Ну, задатки у нее и так были. Надо было лишь дать пинка в нужном направлении.

– Да уж, пинков я от тебя получила изрядно, – вступила Ева. – Он небось...

И она осеклась. На секунду – на долю секунды! – она увидела Макквина. Его смазливую физиономию, тюремную бледность.

Темные очки, светлые волосы зачесаны на затылок, серый в полоску костюм с иголочки, васильково-синий галстук.

– Твою мать!

Ева рванулась, но толпа сдавила ее, оттесняя в сторону. Ева принялась проталкиваться, держа руку на оружии и крутя головой по сторонам. Вокруг сновали копы, гражданские, надо всем витал городской шум. Над головами пролетел рекламный дирижабль, громогласно обещая новую распродажу в универмаге «Поднебесный».

Рорк просочился в толпе к тротуару, где Ева стояла, по-прежнему держа одну руку на оружии и бессильно сжав вторую в кулак.

– Что случилось?

– Я его видела. Он был здесь.

– Кто?

– Макквин. Айзек Макквин. Нужно доложить Уитни.

– Беги, я буду ждать здесь, – сказал Рорк. – Извинюсь за тебя перед Мэвис и остальными. И, Ева, – добавил он, положив руку ей на плечо, – когда закончишь, я хочу, чтобы ты мне обо всем рассказала.

Майор Уитни, по-прежнему в парадной форме, стоял за столом у себя в кабинете. Он был крупным мужчиной, и на его плечах держалось все управление. Он смерил Еву взглядом – его темные глаза ни на йоту не утратили выражения настоящего копа, – потом кивнул.

– Вы уверены?

– Да, сэр. Он специально сделал так, чтобы я его заметила. Хотел показать, что может спокойно пройти сквозь толпу полицейских у самого управления. Он хочет унижить полицию и меня лично. Сэр, нужно срочно собирать команду и начинать поиски.

– Лейтенант, за ним охотится весь департамент вкупе с ФБР, – ответил Уитни и жестом показал, что не потерпит возражений. – Я понимаю, вы хотите его найти, хотите поучаствовать в охоте. Я не стану вас отговаривать. Я понимаю: вы хотите предложить свои значительные познания в психологии Макквина и ваши силы в помощь тем, кто его ищет. Но дело в том, что он хочет добраться до вас не меньше, чем вы – до него. И я подозреваю, что к встрече с вами он за эти годы подготовился намного лучше, чем вы.

– Сэр, я знаю, как он мыслит, – возразила Ева, боясь, что чувство бессилия, охватившее ее на улице, готово вот-вот выплеснуться из нее злостью. – Знаю лучше любого копа в городе, лучше любого федерала! Я скрупулезно его изучила. И я не хочу ждать, пока он убьет кого-нибудь, чтобы официально взяться за его дело.

– Думаете, он попытается снова с вами связаться?

– Да, сэр, уверена.

– Ну тогда официально и начнете. А пока собирайте все, что у вас на него есть, запустите вероятности, подключайте свои ресурсы. Утром у меня на столе будет полный рапорт от начальника тюрьмы, главного надзирателя, тюремного психиатра, ответственного за Макквина, и охранников в его корпусе. Копии направлю вам.

– У него есть план. Он всегда действует по плану. Без плана он бы из «Райкерс» не сбежал. Мне надо допросить осужденных, с кем он регулярно общался, и охранников. Мне нужен доступ к его делу, список посещений и журнал личных звонков.

– Тюремное начальство уже начало внутреннее расследование.

– Сэр, он уже почти сутки на свободе.

– Я в курсе, лейтенант. О его побеге мне сообщили только сегодня утром. – Уитни немного помолчал, кивнул. – У нас с мэром было о чем поговорить помимо медалей, какими бы заслуженными они ни были. Начальство «Райкерс» попросило дать им время до девяти ноль-ноль, чтобы закончить внутреннее расследование. Время им дали. Обещаю, завтра в девять ноль одну у вас на руках будет все то же, что и у меня.

– Они там в политику играют и стараются прикрыть свои задницы. К девяти утра он уже может похитить следующую девочку. И даже не одну.

– Я в курсе и этого тоже. – Уитни сел. – Может так случиться, что даже со всей информацией на руках мы ничем не сможем помочь в его поимке. Арестовать его в прошлый раз помогла отменная подготовка и счастливый случай. Чтобы засадить его обратно, потребуется не меньшее...

Ева специально задержалась, переодеваясь. Собрала все нужные для работы диски, старые отчеты. Горечь в горле не проходила.

Рорк, как и договаривались, ждал ее в гараже у машины.

– Давай помогу, – сказал он, забирая у нее одну из набитых документами сумок. – Сказала бы, что столько потащишь, я бы тебе помог их спустить.

Ева хотела ответить, что это ее ноша, но решила, что это прозвучало бы слишком претенциозно.

– Не думала, что столько наберется.

«А вот это не вполне правда, – попеняла она себе, пуская Рорка за руль. – Дома у меня еще целая куча папок на Макквина».

– Во-первых, знай, что я был вынужден от твоего лица отклонить ряд приглашений на коктейль, ужин и/или отпадный алкомарафон в любом ночном клубе на твой выбор.

«Последнее, очевидно, исходило от Мэвис», – догадалась Ева.

– Я сожалею.

– Не стоит. Ты многих заставила сегодня тобой гордиться, и они понимают, что у тебя есть еще работа. Родители Пибоди планируют задержаться в городе на пару дней и надеются еще раз увидеться с тобой до отъезда.

– Да, было бы неплохо, – рассеянно ответила Ева, постукивая пальцами по колену.

– Как прошло с Уитни?

– Примерно так, как я и предполагала. Но хуже, чем хотелось бы.

– Судя по сумкам, вечер, полагаю, выдастся загруженным.

– Все сведения из тюрьмы пришлют только утром. Это Айзек Макквин. Он...

– Я знаю. Просмотрел его дело, пока ты была у Уитни. Похитил двадцать шесть девочек. А потом появилась ты. Ева, я хотел бы услышать историю от тебя.

– Да я расскажу, куда ж я теперь денусь. Только на свежую голову. Нужно успокоиться. Он ведь где угодно сейчас может быть, – добавила она, глядя на пролетающие за окном улицы, тротуары, здания, вечные толпы народу. – Где угодно. Мне б сейчас туда, искать его,

но так я буду просто впустую круги по городу наворачивать. Надо сначала все продумать, а голова не соображает. Надо хоть на час отвлечься, в спортзал сходить, поработать немножко.

– Опять будешь спарринг-робота молотить?

Ева слегка улыбнулась:

– Ну нет, не настолько.

– Ладно, бери свой час. Потом поговорим.

Остаток пути она молчала. Рорк въехал в ворота, подкатил по длинной извилистой дорожке прямо к двери их прекрасного дома. Ева смотрела на знакомые башенки и флигеля, любовалась ни на что не похожей архитектурой и думала о том, что этот дом, его дом, построенный им самим, теперь и ее дом тоже. От этой мысли Ева вновь почувствовала, что сердце ее безнадежно украдено.

– Я раньше никому об этом не рассказывала. Некому было. С Фини я тогда еще не работала, с Мэвис не познакомилась. Думала, а зачем кому-то рассказывать? Мне и не хотелось. Случись такое сейчас, я бы, наверно, съехала с катушек, если б не рассказала. Одной снова копаться в прошлом – даже и не знаю, справилась бы я или нет.

– Но ты теперь не одна. – Рорк снова, как после церемонии, взял ее руку в свои. – И уже больше никогда не будешь, – добавил он и, не отрывая глаз, поднес ее руку к губам. – Иди в спортзал, отдохни. Я сам занесу твои сумки.

«Он понимает, что мне нужно побыть одной, – подумала Ева, – он видел дело Макквина и все понимает».

Что она сделала в жизни, чтобы заслужить человека, который так ее понимает?

Войдя с этой мыслью в дом, Ева чуть вздрогнула.

Бесплатный сыр дают только в мышеловке.

В холле, облаченный, как всегда, в черный траурный костюм, с каменным, как надгробная плита, выражением лица неподвижно стоял Соммерсет. В ногах у него примостился Галахад, их толстый кот.

– Оказывается, вы по-прежнему способны меня удивлять, – произнес дворецкий. – Почти не опоздали к ужину и даже ковер кровью не закапали. Я потрясен.

– Еще не вечер. А знаешь, мне сегодня показалось, я в центре ходячего мертвеца видела, – парировала Ева. – Буквально пару часов назад. Ты, случайно, в город не ездил? Ну, там, лягушачьей икры к ужину прикупить?

– Не имею ни малейшего представления, о чем вы, – ответил Соммерсет, подняв бровь. – Я в центре продукты не покупаю.

– Значит, перепутала. Мертвецы, они все, знаешь ли, на одно лицо, – усмехнулась Ева и, миновав его, направилась к лифту, чтобы спуститься в спортзал.

Соммерсет посмотрел ей вслед, подумал, что, стоя сегодня в парадной форме на широких ступенях управления, лейтенант смотрелась весьма впечатляюще, и отворил входную дверь перед Рорком.

Окинув взглядом набитые файлами сумки, он снова поднял бровь:

– Полагаю, праздничный ужин в честь награждения откладывается?

– Боюсь, что так. Возникли проблемы, внезапно объявился старый враг, – ответил Рорк, идя вверх по лестнице и стараясь не наступить на отирающегося у ног кота.

Ева включила симуляцию городских улиц, выбрала высокую сложность трассы и, вдыхая запахи города, пробежала три мили под шум машин и стук собственных подошв по асфальту.

Потом запустила программу поднятия тяжестей и принялась качать мышцы, пока они не заныли от изнеможения, но этого все еще было мало. Она прошла в примыкающую к

их просторному спортзалу душевую смыть пот, думая, что остатки мерзкого чувства беспомощности и липкого страха она выжмет, сделав дюжину кругов по бассейну.

Плюнув на купальник, Ева просто завернулась в полотенце. Прошло уже больше часа, но она пока не закончила. Однако, пройдя среди деревьев и тропических цветов к бассейну, Ева увидела, что Рорк уже сидит у бортика за столом. Он переоделся в футболку и легкие штаны. С собой он захватил бутылку вина и пару стаканов – и свой карманный компьютер, на котором как раз увлеченно работал.

Он ждал ее.

«Ну разве это не чудо? – подумала Ева. – Такой мужчина – и ждет меня».

Не нужны ей ни эти три мили, ни заплыв по бассейну... Все, что ей нужно, – Рорк.

– А, ну вот и ты, – кивнул он, оторвавшись от экрана. – Ну как тебе, легче?

– Вышло дольше, чем час. Задержалась.

– Не страшно, – успокоил ее Рорк. – Я как раз успел кое-что закончить по работе и искупаться.

– А-а. Я думала, ты мне составишь компанию.

– Ну, я мог бы, но ты же знаешь, в воде я предпочитаю любоваться тобой. Особенно учитывая, что ты любишь плавать обнаженной.

– Извращенец, – млея, фыркнула Ева. – А может, все-таки присоединишься? Или наблюдать – все, на что ты способен? – и сбросила полотенце.

– Ну раз ты так ставишь вопрос...

Ева включила в зоне джакузи струи и голубую подсветку, но не нырнула в воду с бортика, как обычно, а медленно вошла по ступеням.

– Хотела поплавать, сбросить напряжение, – сказала она, глядя, как Рорк раздевается. – Но подумала: ты мне можешь предложить вариант получше. Или нет?

– Вызов? – спросил Рорк, погружаясь в воду. – К этому я готов. Всегда.

Ева запрокинула голову и схватила его за волосы.

– Докажи. – Она притянула его к себе, губы к губам.

Ей хотелось его – жарко, напористо, как били под голубой водой пульсирующие струи джакузи. Никакой нежности, никаких ласк, только бездумная жадность.

Он понимал это, он всегда понимал. Она впилась зубами ему в плечо, а он схватил ее с силой, вознося туда, где не было места мыслям, заботам, жестокостям мира.

Обжигая ей кожу губами и языком, впиваясь сквозь грудь прямо в сердце, рукой он забрался ей между ног и увлек ее, сотрясаемую первым оргазмом, за собой под воду. Задышавшись, не видя ничего, она прижалась к нему, нырнула в водоворот ощущений лишь для того, чтобы с животным экстатическим криком вынырнуть вместе с ним обратно.

Мокрая, сгорающая от желания, она обвилась вокруг него, столь же требовательная, нетерпеливая, как и он. И та тревога, что он видел в ее глазах, та печаль, что он чувствовал в ней, испарились. С ними ушло и все его беспокойство, все, кроме этого безумного, почти безжалостного желания.

Прижав ее к стенке и вцепившись ей пальцами в бедра, он вошел в нее.

Прижавшись ртом к ее рту, он заглушил ее отчаянные вздохи. Ему хотелось глотать их, как воздух, заглатывать ее жадными, глубокими плотками. Вода вокруг них всплескивала и колыхалась, омывая кожу голубоватым инопланетным свечением.

– Еще, – повторял он, погружаясь, утопая в ней. – Еще.

«Да, – думала она, – Да. Еще».

Она схватилась руками за бортик и обхватила его ногами вокруг пояса. Прогнувшись назад, откинула голову, впитывая в себя еще и еще, пока эхо ее криков не наполнило помещение. Пока она не выпила все до самого дна.

3

Рорк знал: будь ее воля, они бы наскоро перекусили и все обсудили прямо у нее в кабинете. Но это был опять-таки тот случай, решил он, когда нужно нечто большее. Раз уж лето отказывалось сдавать свои права, он распорядился накрыть стол на одной из террас с видом на цветущий и благоухающий сад.

Свечи на столе тихо мерцали, солнце зашло, но сумерки по-прежнему упорно хранили влагу утреннего ливня.

– У меня еще куча работы, – начала Ева.

– Не сомневаюсь, и у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется, как только введешь меня в курс дела и немного поешь. Бифштекс, – добавил Рорк, приподняв крышку с блюда.

– Нечестный прием. – Ева жадно уставилась на бифштекс.

– С тобою только так и можно. Кстати, к жареной картошке у меня припасена целая бочка соли. – Он протянул ей бокал вина.

– Ну вот это уже просто низко, – против воли рассмеялась Ева, принимая бокал. – Знаешь мои слабости.

– Все до единой, – согласился Рорк.

Он надеялся, что ужин в саду летним вечером поможет ей найти силы все ему рассказать.

– Держу пари, пообедать ты сегодня забыла.

– Целое утро бумаги разгребала. Все думала: вот бы труп какой нашли, был бы повод слить. Думай, что называется, о чем просишь. Так оно всегда и выходит. Ужасно несправедливо.

Ева принялась рассказывать про Трея и Джули, про то, как тюремное начальство не торопилось известить их о побеге. Понимала, что самое неприятное она откладывает на последний момент. Собирается с духом, чтоб рассказать о том дне.

– Он хочет привлечь твоё внимание, – заметил Рорк.

– И ему это удалось. Он получит его всецело, пока снова не сядет на нары. Нужно было давно его на спутник перевести, сразу, как только «Омегу» построили. Вот только...

– Они так и не предъявили ему обвинений в тех убийствах? Его матери, тех найденных девочек, пропавших женщин?

– Нет, не предъявили. Улик было мало. Особенно с точки зрения прокуроров, думающих, не как добиться правосудия, а как бы не испортить себе статистику доказанных в суде обвинений.

– Обидно было?

– Опыта у меня не было, – призналась Ева, пожав плечами, но жест вышел слишком нервным. – Думала, на тех четырех девочек, мать и убитых напарниц хватит косвенных улик. Достаточно, чтобы предъявить обвинения. Но не мне было решать. Это была их работа.

– Но тебе по-прежнему обидно?

– Может быть. Но я уже не новичок и смотрю на вещи трезво. Макквин бы не раскололся. Фини целыми часами, днями напролет его муржили. Я в зоне наблюдения сидела. Даже прямо в комнату к нему меня однажды пустил. Думал, Макквин меня увидит, испугается или выйдет из себя, сболтнет что-нибудь, допустит ошибку. Но я забегаю вперед, – опомнилась она. – Лучше, наверно, начать с самого начала.

– Двенадцать лет назад, – начал за нее Рорк. – Ты только поступила в полицию.

– Я пытаюсь вспомнить, какой была тогда, мысленно представить. Вспомнить, что чувствовала. Помню, как мечтала стать копом. Настоящим, отличным копом. Дослужиться до

детектива. Хотела в «убойный» отдел – всегда туда стремилась. Детектив отдела убийств. В департаменте никого не знала – да и в городе, в общем-то, тоже. Большинство салаг, вместе со мной окончивших Академию, распределили по другим районам. Мне достался Манхэттен, это было круто. Чувствовала, что попала на свое место.

Рорк вновь наполнил ее бокал.

– Помню ту фотографию, что ты мне на Рождество подарила, – подсказал он. – Ты в Академии. Сидишь за столом, совсем еще ребенок. Волосы длинные.

– К выпускному классу я их уже обкорнала.

– Но у тебя уже тогда были глаза копа.

– Я тогда еще многого не понимала. Столько всего не знала. Работала в небольшом участке на Нижнем Вест-Сайде, на углу Четвертой и Шестой. Центральное управление его лет, наверно, девять назад поглотило. Сейчас там клуб, «Тонкая синяя линия». Странно, не находишь? Слушай, а он, часом, не твой? – внезапно осенило ее.

– Нет, – покачал головой Рорк, но мысленно отметил, что ему было бы приятно купить первый участок, в котором она работала.

Ева вздохнула.

– Ладно. Значит, я буквально пару недель на службе была, патрулировала улицы. На такие места обычно новичков ставят. Жара такая же точно стояла, тоже конец лета. Только и думаешь: когда же оно наконец кончится? На самой южной окраине нашего района на улице ограбили парочку. Родители навещали дочь, та только что родила. Они отошли в магазин, купили кое-что для ребенка, возвращались назад. А по дороге на них какой-то торчок напал со здоровенным ножом. И что-то ему показалось, что те недостаточно проворно карманы выворачивают, так что он женщину кольнул, чтоб поторавливались. Ну, дальше – больше, короче, она в критическом состоянии, но пока еще в сознании, у мужа дюжина ранений, не выжил. Звала, пока кто-то не прибежал. Вот так, посреди бела дня, в приличном, в общем-то, районе. Просто рядом никого не оказалось, не повезло людям. Дело дали Фини.

– Значит, все-таки повезло, – вставил Рорк.

– Ага. Черт, Рорк, как он работал! Знаю, его стихия – электроника, там ему нет равных. Но он был настоящим копом «убойного» отдела. Он с тех пор не сильно-то изменился: седины и морщины, конечно, прибавилось, но одевался и тогда так, словно не первый день уже прямо в одежде спит. Но за ним даже наблюдать – уже была наука. Как он обследовал место преступления, как работал со свидетелями...

От воспоминаний о Фини Еве сделалось спокойнее.

– Помню, стою там, наблюдаю за ним и думаю: хочу быть, как он. Не просто в «убойном» отделе – хочу быть таким же классным копом. Вот стоял он там, на тротуаре, смотрел на лужу крови, на тело – и все сразу видел. Чувствовал. Нет, по лицу ничего не было видно... это трудно объяснить.

– И не нужно, – сказал Рорк.

Потому что он и сам не раз смотрел, как она стоит над чьим-нибудь мертвым телом, и понимал, что она все видит. Чувствует.

– Короче, торчок смылся, а свидетели не могут сойтись в описании примет. Женщина не то чтобы очень в сознании, но в общих чертах наводка была. Вызвали несколько патрулей прочесать район – одному из свидетелей показалось, что торчок был то ли из местных, то ли бывал там у кого-то. Меня с Бойдом Фергусом – классный был коп – послали обойти дома ниже по Мюррей-стрит. В конце концов дошли мы с ним до дома девятьсот пятьдесят восемь. Все было глухо: никто ничего не видел, да большинства вообще еще дома не было. В общем, Фергус предложил разделиться: я помоложе, у меня ноги крепче, я взяла третий этаж, он – первый, встретиться должны были на втором. В общем, просто...

– Просто судьба так сложилась? – подсказал Рорк.

– Или банально повезло. Или еще что. Но на третий этаж пошла я.

Она поднялась на третий этаж. И увидела. Почувствовала.

Старое здание накапливало жар, словно духовой шкаф. К духоте примешивался долетавший со второго этажа запах жареных овощей. Кто-то готовил себе ужин, и, судя по запаху, чеснока этот кто-то не жалел. Стены и двери мелко вибрировали сотнями звуков – в каждой квартире нажали свою кнопку. Мусорный рок, новости, механический, заранее записанный смех комедий и оперные арии глухо разносились по этажам. Сквозь них Ева различала скрипы, голоса, чьи-то жалобы на дороговизну соевого кофе.

«Сочувствую», – подумала Ева, но мозг уже отфильтровал и шумы, и мысль и вместо этого начал автоматически подмечать размеры и планировку подъезда, расположение выходов, окно в конце коридора, трещины в старой штукатурке.

Детали были важны, важно было быть начеку, знать, где находишься. Она была благодарна Фергусу за то, что тот доверил ей одной обходить квартиры, пусть даже это и была тоска зеленая.

Постучать в дверь, показать жетон, задать вопрос, перейти к следующей двери, повторить все сначала, как заученную пластинку, снова и снова.

Но на таких вот заученных действиях держалось все, из них строился костяк. В дело, конечно, вмешивалась скука, но стоило ей подать голос, Ева напоминала себе, что она – коп и выполняет полицейскую работу.

Впервые в жизни она была кем-то.

Евой Даллас, офицером Департамента полиции и безопасности Нью-Йорка.

Теперь ей было ради чего жить. Ради кого. Она взбиралась вверх по душной, пыльной лестнице дома 958 по Мюррей-стрит ради Тревор и Паулы Гарсон.

Еще два часа назад Тревор был жив, а Паула невредима. Сейчас он был мертв, а за ее жизнь боролись врачи.

И за одной из этих дверей мог обнаружиться свидетель, который поможет посадить козла, убившего человека и разрушившего жизни всех его близких.

Поэтому она стучала в двери, показывала жетон, спрашивала, двигалась дальше.

Следующую дверь открыла усталая женщина в пижаме.

– Летний грипп, – объяснила она. – Думала, посплю, пройдет.

– Вы весь день были дома?

– Да. А в чем дело?

– Неподалеку отсюда было совершено ограбление. Вы ничего необычного не видели или не слышали?

– А знаете, может, и слышала. У меня такой насморк, ничего не чувствую, в голове глухо и уши закладывает. Но мне показалось, я слышала, как кто-то кричал. Думала, показалось или это у соседей что-то по телику. Но я выглянула из окна, смотрю: кто-то бежит по улице. Думала, это ничего не значит, легла обратно в постель. Боже, а что, кто-то пострадал? У нас здесь хороший район.

– Да, мэм, пострадал. Вы не могли бы описать внешность бежавшего человека?

– Могу попробовать. Я не больно-то присматривалась. Вон там, – она показала на окно. – Я пошла за стаканом воды – надо жидкости пить больше, так ведь? Решила, может, для разнообразия полежу в кухне на диване. Потом услышала шум, подошла к окну.

– Разрешите войти?

– Конечно. Но близко ко мне лучше не подходите. Я наверняка заразная. Честное слово, офицер, я плоховато соображала. Но я точно видела, как кто-то убегал. Вон туда, – она показала из окна на запад. – Мужчина. Волосы длинные... э-э-э... каштановые, кажется. Бежал, но оглядывался через плечо. Так мне показалось. Бородка такая неряшливая.

– А рост? Вес? Цвет кожи?

– Ой. Ну, белый, наверное. Точно не темнокожий. Кажется, довольно тощий. Шорты! Он был в шортах. Коленки торчали. И у него были пакеты. Два пакета, вроде как из магазина. Точно помню. Подумала еще: вот ведь, урвал что-то, как домой торопится. Черт, так он не в магазине, стало быть, урвал...

– Раньше вы его видели?

– Да нет, не думаю. Днем я обычно всегда на работе. Да я и переехала сюда только пару месяцев назад, никого еще толком не знаю.

Ева записала ее имя, адрес, номер телефона и поблагодарила за сотрудничество. Вышла из квартиры, собралась вызвать Фергуса, доложить обстановку, сообщить, что появился след.

И заметила мужчину у двери в квартиру 303.

У него были с собой два пакета с покупками. «Из местного продуктового, – отметила про себя Ева, – он поставил их на пол, чтобы ввести код на двери. И замки на двери нештучные, куда круче, чем у соседей».

– Простите, сэр, – окликнула она его, автоматически запоминая примерный рост, вес и во что одет.

Мужчина только что отпер дверь и наклонился поднять пакеты. Медленно выпрямился, повернулся к ней. На секунду, прежде чем его лицо преобразилось в вежливо-удивленное, Ева заметила промелькнувшую на нем растерянность. Как будто его застали врасплох.

– Офицер. Чем могу вам помочь? – спросил он.

– Вы здесь живете?

– Да, живу, – ответил он, теперь уже широко улыбаясь. – Айзек Макквин.

– Возвращаетесь домой с работы, мистер Макквин?

– Вообще-то уже нет. Я выходил в магазин.

– А часа два назад вы уже были дома?

– Да, был. Что-то не так?

«Что-то точно не так», – подумала Ева, но что именно и почему, сказать не могла. Не сводя с него глаз, она шагнула ему навстречу.

– Произошло ограбление.

Лицо Макквина выразило тревогу, но Еве показалось, что он словно нацепил его как маску.

– Так вот в чем дело. По дороге в магазин я заметил полицейских.

– Да, сэр. Вы ничего не видели или не слышали?

– Нет, вроде бы ничего. Знаете, мне правда нужно убрать продукты в холодильник.

«Что-то не так, – снова подумала Ева. – Просто... что-то не так».

– Я бы хотела задать вам несколько вопросов, так уж положено. Можно войти?

– Ну право слово, офицер...

– Даллас.

– Офицер Даллас, ума не приложу, чем бы я мог вам помочь.

– Много времени я у вас сейчас не отниму, и мне тогда не придется потом еще раз к вам заходить, заполнять протокол.

– Ладно. Все что угодно для парней – и девушек – в форме, – Макквин отступил в сторону, пропуская ее в квартиру.

«Большая квартира, – отметила Ева, – неплохо обставлена. Много окон, жалюзи везде опущены. А на двери в комнату слева кодовый замок и два засова».

Что-то безусловно было не так.

– Мне нужно в кухню, убрать овощи и фрукты, пока они свежие, – извинился он.

– Пожалуйста. Хорошая у вас квартира, мистер Макквин.

– Мне она тоже понравилась. – Мужчина взял пакеты и понес их в кухню, начал разбирать покупки.

– Живете один? – поинтересовалась Ева.

– В данный момент – да.

– А где работаете?

– Это так важно? – нахмурился он.

– Просто для отчета, сэр.

– Я – вольнонаемный компьютерщик.

– Значит, работаете на дому? – уточнила Ева.

– В основном да.

– Удобно. И тихо.

«Тихо, – подумала она про себя. – Хотя в коридоре шумно. Зачем простому компьютерщику устанавливать звукоизоляцию? Зачем кодировать и запирают комнату?»

– А два часа назад, когда произошло ограбление, вы тоже работали?

– Да, работал, потому-то ничего не видел и не слышал.

– Очень жаль, потому что вон то окно, – Ева показала ему за спину, – выходит прямо на место преступления. А это – ваш кабинет? – спросила она, глянув на дверь слева.

– Именно.

– Не возражаете, если я туда загляну?

– Боюсь, что возражаю, – Макквин по-прежнему улыбался, но теперь сквозь улыбку начало проглядывать раздражение. – Моя работа конфиденциальна и имеет весьма деликатный характер.

– Настолько, что приходится запирает дверь снаружи?

– Всегда лучше перестраховаться. Ну, если вам больше нечего...

– Вы сказали, что живете один?

– Верно.

– Многовато еды на одного.

– Вам так показалось? Но вы-то сами довольно худенькая, не правда ли? Офицер Даллас, если только вы не подозреваете меня в том, что это я ограбил тех людей прямо под собственными окнами, я хотел бы разобрать продукты.

– А кто вам сказал, что жертв ограбления было несколько?

Макквин тяжело вздохнул.

– Вы, наверное. Ну все, позвольте, я провожу вас до двери.

Он вышел из-за кухонного стола и пошел к ней. Ева отступила в сторону и машинально потянулась к кобуре.

– Мистер Макквин, почему вы не сообщили в полицию о том, что стали свидетелем преступления, или хотя бы не позвонили девять-один-один, ведь женщина звала на помощь?

– Я же вам сказал, что ничего не видел. А если бы и видел? Некоторые, знаете ли, предпочитают не вмешиваться. А теперь позвольте...

– Предупреждаю: дотронетесь до меня, и мне придется вас арестовать.

Макквин убрал руку.

– А мне придется подать жалобу по факту угроз с вашей стороны.

– Сейчас я вызову своего напарника, он поднимется, и вы на нас обоих сможете подать жалобу.

«Фергус с меня наверняка шкуру спустит, но, черт возьми, тут точно что-то неладно», – подумала Ева и решила нажать посильнее:

– И заодно объясните, что вы за этой дверью скрываете.

– Ну хорошо, офицер Даллас, – произнес Макквин; лицо его послушно изображало раздражение, но глаза помимо воли глянули на Еву почти что с задором, – пусть будет по-вашему.

Удар был быстрым и изо всей силы. Ева попыталась увернуться, но кулак по касательной все же задел ее скулу, и в глазах у нее на мгновение потемнело. Она отшатнулась, и, воспользовавшись секундной задержкой, Макквин выбил оружие у нее из рук.

Ева крутанулась и с размаху ударила его ногой, добавив наотмашь правой рукой. Оба удара достигли цели. Скула пульсировала болью; онемевшей рукой Ева потянулась к коммуникатору вызвать подмогу, но в руках у Макквина уже блеснул нож.

Страх сдавил ей горло. Макквин сделал яростный выпад, клинок прошел всего в нескольких дюймах от ее ребер.

– Можешь кричать, я разрешаю, – сказал Макквин. Он улыбался, но теперь за улыбкой Ева разглядела – или узнала? – звериный оскал чудовища. – Все равно тебя никто не услышит. Подмогу хочешь вызвать? – Он почти играючи сделал еще один выпад. – Телефоны и рации здесь работать не будут. Я глушу твои сигналы. Напрасно вы меня не послушали, офицер Даллас, я дал вам возможность уйти по-хорошему.

Следующий ее удар ногой он остановил и размашисто полоснул ножом в ответ, задев ее плечо.

«Тренировался, гад, – подметила Ева. – Крупней меня, руки длинней и вооружен».

Но тренировался не он один, и она опять увернулась, качая «маятник» и примеряясь, куда можно было провести еще пару ударов.

«Фергус будет меня вызывать. Не дозвонится и пойдет на поиски».

Однако полагаться на подкрепление нельзя. Рассчитывать она могла только на саму себя.

– Хотела узнать, с чем я там работаю? Я тебе покажу, когда закончим. Увидишь, что бывает с плохими девочками.

Ева швырнула в него лампу. Довольно жалкая попытка, но еще пару секунд она у него выиграла.

Когда он полоснул в третий раз, Ева рывком бросилась ему под ноги, обоими кулаками вцепилась прямо по яйцам, а головой протаранила в живот. Она почувствовала, как лезвие задело еще что-то, но, не обращая внимания, стремительно вскочила, сделала апперкот, а коленом въехала в и без того уже травмированные и сверхчувствительные гениталии.

Попробовала повалить его, но Макквин просто швырнул ее через всю комнату.

– Черт, больно! – рявкнул он, и на покрасневшем от гнева лице не осталось уже ни следа веселого задора. – Вот за это придется поплатиться, тощая сучка.

Голова гудела. В глазах у Евы все плыло.

«Нет, черта с два. Здесь я не сдохну. Я буду детективом «убойного» отдела, мать твою».

Не вставая, Ева сгруппировалась и обеими ногами ударила его в грудь, а когда Макквин отшатнулся, вскочила и встала так, что между ними оказалось кресло. Теперь можно было перевести дыхание. Она понимала, что ранена. Но думать об этом не было времени.

«Так этот гад меня прикончит. Надо уравнивать шансы».

– Я – офицер полиции Ева Даллас! – крикнула она; во рту был привкус крови и страха. – Вы арестованы. У вас есть право хранить молчание.

Макквин рассмеялся. Он все хохотал и хохотал, кровь из разбитой губы текла по его подбородку. А потом пошел на нее, перебрасывая нож из руки в руку.

– А ты упорная, с тобой весело. Не стану сразу тебя убивать. Ты у меня еще до-о-олго погостишь.

На какую-то секунду ей показалось, что противников двое, и Ева подумала, что у нее, наверное, сотрясение, но все ее мысли сейчас были сосредоточены на другом.

«Ближе, надо подпустить его поближе. Пусть думает, что мне уже конец», – подумала она и пинком ноги толкнула кресло ему под ноги, а сама отпрыгнула в сторону.

Она перекатилась через себя и дотянулась до лежавшего на полу оружия. Макквин рванулся к ней, и она, не вставая, выстрелила. Его тело дернулось, но он продолжал идти. Она выстрелила еще раз.

– Падай, мать твою, падай! – закричала она и выстрелила снова и снова.

Она не перестала кричать, даже видя, как он роняет нож и сползает, дергаясь, на пол:

– Сукин ты сын, сукин ты сын, сукин ты сын!

Не выпуская его из прицела, Ева поднялась на колени. Ей не хватало воздуха. Срочно нужно было глотнуть воздуха.

Заученные действия. Отпихнуть ногой нож. Вынуть наручники. Надеть на задержанного.

Ева выпрямилась и закачалась от боли и накотившей тошноты.

«Черт, черт, я точно ранена», – пронеслось у нее в голове.

Она сделала это, сама не понимая зачем. Даже спустя годы она все равно не понимала, что заставило ее это сделать. Ева нагнулась и отыскивала в его карманах ключ.

Ее шатало, но она подошла к запертой двери, не обращая внимания на крутившиеся в голове инструкции: выбраться из помещения, вызвать напарника, запросить подкрепление. Офицеру требуется помощь.

«Это точно. Офицеру требуется помощь».

Но вместо этого она, напрягая все силы, оттащила тяжелые запоры, с третьего раза каким-то чудом умудрилась открыть замок.

И распахнула дверь в ад.

– Сколько их там было!.. Дети, совсем еще девочки, закованные, голые, все в синяках, засохшей крови и бог знает еще в чем. Большинство сидели, сбившись в углу в кучу. Глаза уставились на меня, так много глаз. Эти стоны, эта вонь! Описать невозможно.

Ева не знала, сама она взяла его за руку или это Рорк ее взял, но прикосновение вернуло ее к реальности, словно он оттащил ее от края наполненной ужасом бездны.

– У него там была пара биотуалетов, какие-то драные одеяла. И во всех углах камеры, чтобы за ними наблюдать. Но я ничего этого не видела. Только девочек и их глаза. Я до сих пор их вижу.

– Давай передохнем, – предложил Рорк.

Ева мотнула головой и крепче сжала его руку.

– Лучше все сразу рассказать, так легче. На какой-то миг я растерялась, забыла, где нахожусь. Все эти воспоминания об отце, о том номере в мотеле в Далласе я закопала как можно глубже. Я о них забыла, забыла обо всем об этом. Но стоя там, глядя на этих девочек, в эти глаза, я на секунду опять все вспомнила. Грязно-красный свет от неоновой вывески за окном. Холод, ужасный холод. И я вся в крови. Не я, девочка, но эта девочка была мной, и боль была моей болью. В тот миг все это хлынуло обратно, полилось мне в глотку, как яд. Я застыла на месте. Просто стояла там, и какая-то часть меня была восьмилетней девочкой, стоявшей в том жутком номере, вся покрытая кровью. И я начала проваливаться, просто сползать по стенке и проваливаться в то прошлое, я даже не понимала куда. Но тут одна из девочек закричала. Она кричала, чтобы я им помогла, сделала что-нибудь. «Сволочь, – кричала она, – сделай же что-нибудь!» Ее звали Бри Джонс. Они с сестрой Мелиндой были последними. Он их только неделю назад похитил. В этом аду они пробыли только одну неделю. А некоторые оставались в нем годы напролет.

– Например, ты, – едва слышно произнес Рорк.

– Я этого не понимала, не могла понять. Или не хотела.

Ева на секунду закрыла глаза, стараясь думать только о его руке, держащей ее руку, такой сильной, такой теплой...

– Но она все кричала и кричала, что я должна им помочь, и рвалась ко мне. И тогда я пришла в себя. Я должна была им помочь. Это была моя работа – помогать, а не стоять и трястись от страха. Остальные тоже стали кричать, орать, плакать. Вопли были нечеловеческие. Я вошла. Голова у меня уже с трудом работала. Я не могла снять с них наручники, у меня не было ключей. Нужно было найти ключи.

Ева отпустила Рорка и обеими руками с силой потерла глаза кулаками.

– Надо было действовать по инструкции, как учили. Только так я уцелела, вышла из этого ада живой, только это мне помогло. Я сказала, что я из полиции, назвала свое звание и фамилию, сказала, что теперь они в безопасности. Потом сказала, что мне нужно выйти, позвать на помощь. Они буквально обезумели. Вопили, чтобы я их не бросала, умоляли, проклинали, выли как звери. Но я должна была их оставить. Должна была позвать Фергуса, вызвать еще копов, «Скорую». Все как по инструкции. На этом все стоит. Я их оставила. Макквин уже шевелился, приходил в себя. Я даже раздумывать не стала, просто всадила в него еще заряд. Без колебаний. Вышла в коридор, достала коммуникатор. Сказала Фергусу, чтобы вызывал подкрепление и «Скорую». Много-много «Скорых». Квартира 303, много пострадавших. Он ничего не стал расспрашивать, на бегу вызвал. Отличный был коп, что надо. Я услышала, как Фергус поднимается по лестнице, и вернулась в ту комнату. Помню, как он вошел и сказал: «Пресвятая Мария, Матерь Божия». Словно молился. Это я запомнила, а вот что дальше было – уже как в тумане.

Ева перевела дыхание, отпила еще вина.

– Но ключи мы нашли, и Фергус еще принес им какие-то простыни и одеяла. Он так спокойно себя держал, как настоящий отец, наверное. Сначала успокоить, потом все остальное: подкрепление, «Скорая», установить личность, что случилось. Потом приехал Фини.

Ева оглянулась, посмотрела на сад, на мерцающие огоньки, вдохнула аромат неведомых ей цветов.

– Подошел Фини, сел со мной рядом. Вокруг все бегает, меня прямо на месте заштопывают, а он просто сел, внимательно так на меня посмотрел. Ну, ты знаешь, как он это умеет.

– Да, – тихо подтвердил Рорк, – знаю.

– «Что ж, – говорит, – детка, ты поймала преступника и спасла кучу жизней, и все в один день. Недурно для зеленого салажонка». Я не в себе была. Вкололи мне какую-то дурь, не успела их остановить. Так что я ему и отвечаю: «Да фигня все это, лейтенант. Нормально для настоящего копа». Он просто кивнул и спросил, сколько всего было девочек. Я сказала – двадцать две. Понятия не имею, когда я их сосчитать успела. Не помню.

Ева только сейчас поняла, что плачет, и размазала по щекам слезы.

– Вот ведь. В больницу ехать я отказалась. Сюрприз, да? Он прямо там в квартире с моих слов записал отчет. А через два дня меня назначили ему в помощники. В отдел убийств Центрального управления. В некотором извращенном смысле Макквин подарил мне все, о чем я мечтала.

– Ты заблуждаешься, Ева, основательно заблуждаешься. Ты сама всего добилась. Ты разглядела в Макквине то, чего не заметили все остальные и, возможно, долго еще продолжали бы не замечать.

Она снова взяла его за руку. Ей снова нужна была опора.

– Я разглядела своего отца. Я увидела в нем Ричарда Троя. Тогда я этого не поняла, но в Макквине я увидела именно его.

– И спасла жизни девочек.

– Двенадцать лет меня это успокаивало. Но не теперь. Он ищет себе новую жертву, Рорк. – Ева взглянула ему в глаза. – Он устроит себе новое логово. Найдёт новую напарницу, если уже не нашёл. Достанет машину – скорее всего, темный автофургон. Выбрался он через лазарет, так что наверняка прихватил дури – транквилизаторов, обездвиживающих. Поменяет внешность – сегодня, когда я его видела, волосы у него были светлее прежнего. Сильно менять не станет, он себя слишком любит, но кое-что изменит. Накупит себе дорогих костюмов – модных, но не кричащих. Привлекательный мужчина, совершенно нормальный. И очень скоро он захочет начать все сызнова. С Джули он заморил червячка, но хочется ему совсем другого. Ему хочется девочку, двенадцати-тринадцати лет, ну или четырнадцати-пятнадцати, если на вид она младше сверстниц. Если она не одна, с родными или друзьями, он придумает, как их разделить. Заманит ее в фургон или вколет немного дури, чтобы стала послушной.

«Ей нужно работать, – подумал Рорк. – Нужны данные, логика, закономерности – уйти в работу от эмоций».

– Как он все это собирается сделать? – спросил он. – На какие средства купит машину, квартиру, одежду и так далее?

– Если прижмет или подвернется возможность, будет красть. Карманник он не хуже тебя.

– Ой, ладно.

– Ну, может быть, и похуже, – уступила Ева. – В любом случае так написано в его деле. Предполагается, что у него где-то припрятаны деньги или ценности. Вся эта одежда, электроника, еда с вином, что у него было в квартире, – все это денег стоит. Больше, чем мы у него нашли. Он давно и успешно занимался мошенничеством, в электронной сфере зарабатывал нехило. В ОЭС никаких других счетов, кроме обычного, на него зарегистрированного, не нашли. Но там была только пара тысяч. Возможно, какие-то следы они проглядели, но мы предположили: у него где-то заначка с наличными. Мамочка его так учила. Случись что – хватай и беги.

– Умней было бы сделать даже не одну. Кто кладет все яйца в одну корзину, случись что, получает яичницу не по карману.

– Тебе виднее. Если заначка была прямо в Нью-Йорке, то он уже при деньгах. Если только...

– Если только что? – переспросил Рорк.

– Отложить немного денег на дорогу, бытовые нужды – это я понимаю. Но он жадный и хитрый гад. Как я уже говорила, любит дорогую одежду, дорогое вино, все такое. И разбирается в компьютерах.

– Ты думаешь, тайный счет – или даже счета – у него все-таки есть. Вложения, чтобы деньги делали деньги.

– Ага, я так и считаю. Цель номер два – напарница. Ему нужна женская забота, поддержка и чтобы кто-то взял на себя посредничество.

– Надо проверить список посетителей и звонков в тюрьме. Она наверняка там побывала.

– Сто процентов. Сбежать он мог и просто при удобном случае, но если у него не было готового плана, он залег бы на дно и не высывался.

Ева задумалась, картина в голове у нее прояснялась.

– Они сейчас ищут преступника в бегах, прячущегося, даже отчаянно спасающегося. А он никуда бежать не собирается, он наслаждается жизнью. Он намеренно привлёк мое внимание, он уверен в собственных силах и безопасности. Он никуда не бежит. Задержать его по ориентировкам, что мы разослали, удастся разве что случайно. Первую свою жертву в Нью-Йорке он в той комнате три года держал. Стойкая оказалась девочка. Он три года

прожил, считай, в центре города, в приличном районе, в многоквартирном доме. И все это время ухитрялся затаскивать туда новых девочек – и, видимо, выносить трупы или останки тел тех, кто не выжил, – и никто его не застукал. Нет, так просто поймать его не удастся.

– Я не оспорю твоё суждение, просто замечу, что на этот раз ему нужны не только девочки и не столько девочки. Ему нужна ты. Нужно превзойти тебя, отомстить тебе. А месть – дело хлопотное. Для него это – дополнительный риск, и в прошлые разы ему не приходилось так рисковать.

– Да, это может сыграть свою роль, – согласилась Ева. – И то, что он изменил собственным привычкам, для нас – меньшая проблема, чем для него. Тем не менее у него двенадцать лет было, чтобы все обдумать, спланировать, отшлифовать детали. Мне придется наверстывать.

– В таком случае не стоит откладывать. – Рорк поднялся и потянул ее за собой. – В первый раз ты его не одним только везением одолела. Ты была умнее его уже тогда. Он был сильнее, у него было преимущество, но ты не потеряла голову и не запаниковала. И ты не отступила. Может, он двенадцать лет обдумывал и планировал, но ты эти двенадцать лет совершенствовала своё чутьё и набиралась опыта. И к тому же на этот раз у тебя есть ещё одно преимущество.

– Ты.

– Ну вот видишь, какая ты у меня сообразительная! – Он легко поцеловал ее в лоб. – И я с удовольствием употреблю свои немалые возможности – не говоря уже о талантах...

– Ты повторяешься.

– Ну и что? В любом случае мне будет приятно помочь тебе снова посадить его... так, чтобы он уже никогда не вышел. И начну я, пожалуй, с того, что взломаю его тюремный список посетителей и звонков.

Ева машинально открыла рот, чтобы, как обычно, наотрез отказаться от такой помощи. Не то чтобы она раньше никогда не обходила закон, но ей от этого всегда было неуютно.

– А что, давай. Чего им жмотиться до завтра, пока пиарщики им там сочиняют легенду поприличней. Мне их пиар и политика ни к чему. Мне нужно знать, с кем он общался и с кем виделся. Всех до одного. Начнем прямо сейчас – глядишь, спасем какого-нибудь ребенка.

Они устроились в секретном кабинете Рорка, там, где вдали от всепроникающего ока Службы компьютерной безопасности хранилось все его незарегистрированное оборудование. Подойдя к изогнутой широким полукругом консоли, Рорк положил ладонь на сканер:

– Это Рорк. Запустить систему.

И на угольно-черной обтекаемой панели, словно драгоценные камни, засияли десятки кнопок. Ничто полученное здесь нельзя будет подшить к отчету, пока она не добудет ту же самую информацию легальным способом. Но...

«Ещё одна часть его темной стороны», – подумала Ева. В жизни Рорка сторона эта была куда обширней, чем у нее, и граница ее гораздо тоньше и расплывчатее. Но чтобы перейти на эту его сторону, Еве достаточно было лишь вспомнить ту богомерзкую комнату, девочек и их глаза.

Она села за запасной компьютер, загрузила свои файлы. Нужно было ещё поставить доску для фотографий – с лицами ей работалось лучше. Но пока она ограничилась тем, что принялась освежать в памяти все, что у них было на Айзека Макквина.

Ева с головой погрузилась в дела, фотографии, записи, отчеты психиатров, судебные стенограммы. Вынырнула она, только когда Рорк поставил перед ней на панель компьютера дымящуюся кружку кофе.

– У медбрата, которого он вчера убил, осталась жена и двухлетняя дочка, – сказал он.

Ева кивнула.

– Думаешь, мне еще нужны какие-то оправдания, чтобы дать тебе сделать все по-твоему и самой к этому руку приложить? Как-нибудь в другой раз, может, и будут нужны. Сейчас мне все предельно ясно. В гробу я видела всю эту политику, – она оторвалась от экрана и увидела, что Рорк завязал волосы в хвост – перешел в рабочий режим. – Так что с моей стороны никаких возражений нет.

– Ну и чудно. Я достал журнал его посещений и список всех разрешенных телефонных звонков. Ты, конечно, уже подумала: не мог ли он связываться с кем-то на воле в обход разрешенных каналов? Если и так, то ни от чужого имени, ни через подставное лицо он этого не делал, я проверил по списку. Будем копать глубже.

Он сел за компьютер, отпил из своей кружки.

– Я запрограммировал поиск по ключевым фразам и повторениям. Пока во всех электронных каналах чисто. Просто ответы журналистам, писателям, организации по защите прав заключенных. Довольно мало для двенадцати-то лет, а это говорит в пользу того, что он нашел обходной способ.

Ева задумчиво отпила кофе.

– С компьютерами работать он умеет. Тут он вряд ли наследил бы и наверняка специально старался избежать регистрируемых средств связи. Мы и раньше перебирали всю его электронику. Практически ничего не нашли. Он очень осторожен. Если он подыскал себе напарницу, то связывался с ней наверняка лично, при посещениях. Так что мы ищем женщину от сорока и до... если учесть время отсидки, то где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью. Привлекательную, на что-нибудь подсевшую или с еще каким-нибудь грешком, которым он мог бы воспользоваться.

– Практически все его посетители – женщины. Список отправил на твой компьютер.

Ева загрузила файл. Из двадцати шести посетителей восемнадцать были женщинами, и почти каждая посетила его не по одному разу.

– Ну я понимаю, журналисты. Ищут историю поинтереснее, может, даже книжку или сценарий написать думают. Он их наверняка водил за нос, подкидывал какую-нибудь брехню, чтобы приходили снова, развлекал его. Ничего им не рассказал. Но вот все остальные... Зачем им тратить на него время, зная, что он сотворил, кто он такой? Не понимаю... Ах ты ж, черт. Мелинда Джонс.

– Тоже заметила?

– Август пятьдесят пятого. Пять лет назад. Однократный визит. Надо ее проверить.

– Уже проверил. Она работает психологом в Департаменте полиции Далласа, занимается жертвами насилия. А сестра ее – там же, копом. Недавно повысили до детектива. Живут в одной квартире, в паре миль от дома родителей. Не замужем, послужной список безупречный.

– Ладно. Значит, в пятьдесят пятом ей было лет девятнадцать.

– Захотела взглянуть в глаза чудовищу, – предположил Рорк.

– Может быть. Да, наверно. Надо с ней связаться, узнать, что он ей сказал. Она уже не в его вкусе, для жертвы слишком взрослая, для напарницы слишком молодая. Психолог и коп, ну надо же. Значит, обернули то, что с ними произошло, во благо. Приятно знать. – Ева пробежалась глазами дальше по списку. – В первую очередь смотрим тех, кто приходил не по одному разу. Но и не слишком часто. Ей незачем было привлекать к себе внимание.

Она скомандовала выделить тех, кто приходил от шести до двенадцати раз.

– Начнем с этих.

– Я возьму первых четырех, – предложил Рорк.

– Компьютер, убрать номера три, пять и восемь. Слишком много судимостей, – объяснила Ева Рорку. – С теми, кто так часто попадался, он работать не станет. А раз номер два уже умерла, ее тоже можно убрать. Осталось четверо, – добавила она и, встав, принялась расха-

живать перед экраном. – Номер один: Дэб Брэкен, место жительства – Нью-Йорк, поговорим с ней. Остальные три в других штатах. Майами, Балтимор и Батон-Руж. Как только станет можно, известим местных, пусть с ними потолкуют. А вот это интересно. Номер семь.

– Сестра Сьюзен Дэвон, – прочитал Рорк. – Бывшая наркоманка. Два ареста, один за хранение, другой за незаконное приставание без лицензии компаньонки.

– Да, но оба – в бурной юности. К тридцати годам одумалась, дальше все чисто. Возраст подходит. Пятьдесят с гаком, с виду недурна. Член Церкви Искупления, Батон-Руж. Целью визитов заявлена «духовная помощь». Ага, так я и поверила.

– Последний визит был больше года назад.

– Если он все наладил и контактировал с ней втихаря, это ничего не значит. Не нравится она мне, так что возьмемся за нее и за номер шесть – тоже выглядит для наших целей приемлемо. Значит Брэкен, потому что местная, Дэвон и эта Вернер, потому что рожи подозрительные, и Ринальди до кучи. – Ева повернулась к Рорку. – Если сопоставим их местонахождение со временем отправления нарытых тобой электронных писем, сможем определить, откуда они их отправляли? С какой конкретной машины?

– Насчет «сможем» не знаю, – протянул Рорк, – но лично я – смогу.

– Поумничай мне еще.

– Ради тебя – сколько угодно. Сейчас сяду и поумничаю. А ты мне пока принесешь печенья.

– Печенья? – возмутилась Ева.

– Вот именно. Хочу печенья и еще кофе.

– Гм.

И Рорк принялся умничать, а Ева решила, что и сама не отказалась бы от печенья.

4

Входя следующим утром в кабинет майора Уитни, Ева уже знала, как изложит дело. У нее на руках были данные, теории и конкретные люди, которых нужно было хорошенько потрясти.

Вопрос был лишь в том, откуда она все это узнала.

Перспектива совещания с федералами, представителями тюрьмы «Райкерс», адвокатами и сыщиками из местного отдела по поимке беглых преступников могла предвещать все, что угодно: пустую болтовню, пускание пыли в глаза, заверения в любви до гроба или соревнование на длину струи.

Лично она, решила Ева, всегда предпочитала последнее, но только не когда времени у нее в обрез.

Поэтому она вошла в кабинет с твердой решимостью во что бы то ни стало гнуть свою линию.

– Лейтенант Даллас, – не вставая из-за стола, представил ее присутствующим Уитни.

Грудастую брюнетку спецагента Элву Никос и ее напарника Скотта Лоуренса с отполированной башкой и плечами как у боксера Ева мысленно оценила как бывалых.

«Надеюсь, они не окажутся сукиными детьми».

– Лейтенант Туссо возглавляет ОПБП⁴. Мы все еще ждем представителей «Райкерс».

– Ну а пока мы их ждем, – бодро начала спецагент Никос, – хотела бы сообщить вновь прибывшим то, что мы с агентом Лоуренсом уже сказали майору Уитни и лейтенанту Туссо. Мы здесь не для того, чтоб вас подрезать или наступать вам на хвост. Мы понимаем, что офицеры департамента однажды уже арестовали Макквина и предъявили ему обвинение и что вы, лейтенант Даллас, кровно заинтересованы в том, чтобы вторично его найти.

– Ну тогда я хотела бы сказать вам, – заявила Ева, – что мне наплевать, кто именно найдет Макквина и засадит его за решетку: вы с напарником, лейтенант Туссо со своей командой или я со своей, поодиночке или совместно. Да хоть бабулька с перцовым аэрозолем и крепким хуком справа.

– Спасибо, лейтенант. Будьте уверены, любые наводки или сведения, найденные нами в ходе этого расследования, будут переданы в распоряжение всех присутствующих.

– Аналогично. Мне начать прямо сейчас или ждать, пока к нам присоединятся люди из «Райкерс»? Майор?

Уитни внимательно посмотрел на Еву:

– Лейтенант, у вас появились какие-то новые сведения?

– Полагаю, я... набрела на кое-какие следы. Да, сэр, – уточнила Ева и по кивку Уитни продолжила: – Я получила доступ к личным делам охранников и остальных сотрудников тюрьмы, чаще остальных входивших в контакт с Макквином. Мы вправе и обязаны взять под подозрение весь персонал тюрьмы, так что я действовала в рамках инструкций. По результатам стандартных проверок и вероятностного анализа я хотела бы обратить ваше внимание на Кайла Лоуэта, охранника в блоке, где содержался Айзек Макквин, и Рэндала Стиббла, внешнего консультанта по наркозависимости.

– Что у вас на них? – нетерпеливо спросила Никос.

– Полагаю, детали моего расследования вам видеть необязательно, – сухоvalo ответила Ева. – Лоуэт дважды посещал курсы для страдающих зависимостью от азартных игр. А поскольку полтора года назад его бросила жена, готова поспорить, что и третий раз не за горами. Макквин любит людей зависимых.

⁴ Отряд по поимке беглых преступников.

Ей было что еще рассказать, но она отлично знала: относительно источников ее сведений возникнет множество вопросов.

– Стиббл работает с наркоманами и алкоголиками. У него с ними много общего. Он с шестнадцати лет вечно в той или иной программе реабилитации, проходил по наркоте и в подростковом, и во взрослом возрасте. Сам Макквин наркотиками не пользуется, выпивает умеренно – предпочитает вино, – но занятия Стиббла посещал регулярно. Просто так свое время он ни на что тратить не станет.

– Думаете, один из них или оба помогли ему бежать? – спросил лейтенант Туссо.

– И не только. Макквин всегда работает с напарницей, до того момента, пока она ему не наскучит, во что-то не вляпается или не исчерпает свой ресурс. Я считаю, ему нужен был кто-то на воле. Кто-то, кто проносил бы сообщения между ним и напарницей.

– Посредник, – подсказала Никос.

– И за двенадцать лет он наверняка нашел не одного, – продолжила Ева. – Его список посетителей наверняка по большей части состоит из женщин. Найдем у одной из них связь с кем-нибудь в тюрьме – причем готова поспорить, этим кем-нибудь окажется Лоуэт, Стиббл или они оба – вот вам и наводка на напарницу. Это должна быть женщина в возрасте от сорока пяти до шестидесяти, привлекательная, с наркотической или другой подобной зависимостью и наверняка с приводами, как минимум за мошенничество.

А вот дальше уже было скользко.

– У меня есть список женщин, подходящих под это описание и пересекавшихся со Стибблом или Лоуэтом. Может быть, повезет, и мы найдем пересечения со списком посетителей.

– Впечатляющий старт за такой короткий промежуток времени, – прокомментировала Никос, но Ева даже не взглянула в ее сторону.

– Времени у нас и так в обрез. Он уже ищет новую жертву.

– Нам известно, что Макквин предпочитает работать в городах, – начал Туссо. – Чаще всего совершает охотничьи эскапады в людных местах, любит скопления народу – Таймсквер, причалы в Челси, Кони-Айленд. В прошлый раз это были основные места его охоты.

Ева захотелось возразить, что слово «эскапады» не подходит для Макквина. Для него это не экскурсия, он не набрасывается импульсивно на кого попало, просто чтобы утолить жажду насилия и адреналина. Но она промолчала.

– Он уже засветился в Нью-Йорке, – продолжил Туссо, – оставил через потерпевших послания для лейтенанта Даллас. Мы сосредоточимся на известных местах его охоты.

– Мы будем поддерживать с вами контакт, – кивнула Никос. – Наши результаты вероятностных анализов указывают не то, что Макквин может покинуть город и на какое-то время залечь на дно. Мы отслеживаем общественный транспорт, запустили систему распознавания лиц на выездах с основных автотрасс.

Никос продолжила излагать стратегию ФБР, но Ева удержалась от комментариев.

«Если им так хочется думать, что Макквин в бегах, пусть думают».

– Я уже расставил своих парней в наиболее вероятных местах нападения, – подхватил Туссо. – Обычно он похищает людей в темное время суток, хотя известны и случаи нападения днем. Мои люди обеспечат круглосуточное наблюдение за этими местами вплоть до поимки Макквина.

В дверь отрывисто постучали, и секретарь Уитни сообщила, что прибыл Оливер Гринлиф, заместитель начальника тюрьмы «Райкерс».

«Хорек», – сразу же, только увидав его, решила Ева.

Рядом с Гринлифом в стильном красном костюме вышагивала главный юрист «Райкерс» Аманда Спринг. В руке она несла золотисто-коричневый, в цвет собственным волосам, портфель лакированной кожи.

– Майор. – Ослепительно улыбаясь, Гринлиф на ходу протянул руку. – Вы уж извините, мы чуточку опоздали. Нас задержало...

– Вы опоздали на двадцать минут, – произнес Уитни таким тоном, что, как с удовольствием отметила про себя Ева, улыбочка с лица Гринлифа сползла в один момент. – И меня не интересуют ни причины, ни оправдания. Вы и так уже заставили департамент и ФБР целые сутки ждать жизненно необходимой для нашего расследования информации.

– Майор Уитни, – столь же гневно заговорила Спринг, отстраняя в сторону побледневшего и вытянувшегося лицом Гринлифа. – Как юрисконсульт «Райкерс», я...

– Вам я слова не давал и давать не собираюсь, – прогремел Уитни. – Гринлиф, ваше заведение несет ответственность за побег опасного педофила, и вы отняли драгоценное время у офицеров и агентов, занятых его поимкой. Предупреждаю лично вас и адвоката, которого вы посчитали необходимым с собой притащить: если Макквин похитит еще хотя бы одну девочку, вы у меня поплатитесь. Это я вам обещаю.

– Майор, угрожая нам, вы едва ли создадите конструктивную атмосферу, – вякнула Спринг.

Уитни бросил на нее уничтожающий взгляд.

– Если вы произнесете еще хотя бы одно слово, я прикажу вывести вас из кабинета. Я вас сюда не приглашал. Арест вашему клиенту, к сожалению, не грозит, так что ваши услуги здесь ему не потребуются. А сейчас вы отдадите мне все документы, отчеты, списки и файлы, которые отказались предоставить непосредственно после того, как запоздало известили департамент о факте побега.

– У нас для вас масса информации. К сожалению, наше внутреннее расследование еще не завершено. Вы, конечно, понимаете, как важно провести его по всей форме и в полном объеме. По моим сведениям, все отчеты будут готовы и предоставлены вам до конца рабочего дня, – поспешно вставил Гринлиф.

Взгляд Уитни, казалось, прожигал в нем дыру.

– У вас есть тридцать секунд на то, чтобы вся информация оказалась у меня на столе. В противном случае произойдет вот что: мы с присутствующими здесь главами отделов и агентами ФБР созовем совместную пресс-конференцию, на которой я расскажу журналистам не просто о том, что Айзек Макквин взял и банально вышел через дверь вашей тюрьмы, убив медбрата. Я им расскажу, что вы в течение без малого суток считали себя вправе утаивать информацию о его побеге от Департамента полиции и безопасности Нью-Йорка. Что за это время Макквин изнасиловал женщину, а ее партнера избил. Я предоставлю им красочное описание этого происшествия.

– Майор...

– Молчать! Я не закончил. Далее я сообщу им, что вы еще на целые сутки задержали передачу департаменту и ФБР жизненно важной информации по этому делу и что в данный момент нами рассматривается возможность возбуждения против вас уголовного дела по факту препятствования отправлению правосудия. Затем я попрошу лейтенанта Даллас освежить в памяти слушателей, что именно она обнаружила в квартире Айзека Макквина после его задержания двенадцать лет назад. И если после этого толпа вас не линчует, я буду весьма удивлен.

Уитни сделал небольшую паузу и отчеканил:

– Я хочу, чтобы у меня на столе оказалось все, что у вас есть, включая предварительные отчеты и результаты вашего внутреннего расследования. Прямо сейчас.

Гринлиф умоляюще взглянул на своего адвоката.

– У вас тридцать секунд, – повторил Уитни. – Не советую повторно испытывать мое терпение.

Гринлиф открыл портфель.

– Разрешите обратиться, – заговорил он с горечью в голосе.

– Не разрешаю. Папку на стол и выметайтесь. Оба. И – да, Гринлиф, если какой-либо части запрошенной нами необходимой информации в этой папке будет недоставать, услуги адвоката вам понадобятся. Как и вашему начальнику. Можете так ему и передать.

Спринг положила перед Уитни папку с дисками. Гринлиф открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но она молча покачала головой, развернулась и зацокала модными туфлями к выходу. Гринлиф поспешил вслед за нею.

В кабинете воцарилась абсолютная тишина.

На протяжении всего показательного избиения агент Лоуренс стоял молча и не шевелился. Ева подумала, что он напоминает ей вождя какого-нибудь африканского племени: точеные черты, непреклонное и бесстрастное выражение лица.

Но теперь поперек всех этих черт расплзалась широченная ухмылка.

– Это, конечно, будет неуместно, – заметил он, – но я готов вам аплодировать. Один вопрос, майор: вы и правда пошли бы на это? Обратились бы к журналистам?

– Лейтенант Даллас, – возгласил Уитни, – а вы как считаете? Пошел бы?

– Сэр, вы скрепя сердце дали им даже больше времени, чем необходимо. Они не выказали ни малейшего беспокойства по поводу того, что невинные люди находятся в опасности или даже что убит один из их сотрудников. Решили, что все будут плясать под их дудку, и наглядно продемонстрировали это, опоздав на совещание и продолжая задерживать передачу нам результатов их расследования. При необходимости вы пошли бы к журналистам и скормили бы им директорат «Райкерс» со всеми потрохами. А теперь, полагаю, вы задействуете все доступные вам средства и связи, чтобы Гринлиф со своим адвокатом и их начальник заодно были сняты со своих постов. Я так предполагаю, сэр.

– Лейтенант Даллас только что продемонстрировала вам, почему она по праву считается одним из самых ценных сотрудников департамента. Она с одинаковой точностью умеет наблюдать, делать выводы и докладывать.

Вернувшись к себе в отдел с копией файлов, Ева, проходя по «загону», жестом приказала Пибоди следовать за ней.

– Ну как все прошло? – спросила та. – Что-то вы долго там совещались, я уж забеспокоилась.

– Эти сволочи из «Райкерс» заставили всех ждать, пытались опять продинамить нас с документами. Уитни их на суши порезал, что твой японец. Просто не отвести глаз. С федералами нам, похоже, повезло – на полных засранцев не похожи. Хотя, по мне, они не туда копают. Туссо из ОПБП расставил людей в любимых местах Макквина. А теперь лучше сядь.

– Ой-ой.

– У меня уже есть список имен, кто с кем связан, и план действий. Откуда – не скажу.

– Ладно, – пожала плечами Пибоди.

– Официально я это все получила по обычным каналам. Ну, может быть, самую малость схитрила. Все, что под эту легенду подходило, я уже передала Туссо и федералам. Федералы возьмутся за одного из охранников, у него рыльце в пушку. Мы берем консультанта по наркозависимости, он тоже замазан. Уверена, потому что мы проверили список посетителей Макквина на кандидатов в напарницы, и с несколькими из них этот Стиббл встречался. Наиболее вероятных четыре. Одна из них в Нью-Йорке. С ней мы тоже побеседуем.

Пибоди присвистнула.

– Времени с этим совещанием, конечно, потеряли немало, но мы выступим натурально, в хорошем смысле с места в карьер, – заметила она.

– Все равно Макквин на шаг впереди. У него почти два дня форы. Охранник – просто пешка. С пристрастием к азартным играм и – федералы и сами это скоро откопают! – не

слишком глубоко запрятанным банковским счетом, куда он последние несколько лет каждый месяц клал по две штуки. Макквин наверняка знал, что мы это отследим и охранника арестуем, так что вряд ли мы узнаем от него что-либо ценное.

– И поэтому его ты отдала федералам.

– Допросить его все равно нужно. Мало ли, вдруг он что-то все-таки знает. Но я ставлю на Стиббла. В планы свои Макквин его, конечно, не посвящал – по крайней мере в подробности, – но с кем именно тот скорешился, он должен знать или догадываться. К той бабе нам по пути, так что начнем с нее. От тебя требуется, пока мы едем, проанализировать и прогнать через комп все, что мы получили из «Райкерс». Все, что делаешь, сразу заноси в отчет. Ну, поехали.

– А как мы это все координируем с Туссо и федералами? – спросила Пибоди, запрыгивая вслед за Евой на эскалатор.

– Каждый сам по себе. Кто что найдет – общее. Ежедневные совещания. Пока все по честному. Хотя... найди мне личные дела этих федералов. Элва Никос и Скотт Лоуренс. Просто чтоб знать, с кем мы имеем дело.

– Кого из наших возьмешь?

– Сначала поговорим с этими двумя подозреваемыми, потом уже буду собирать команду. Я вчера все обмозговала, – уже в гараже, садясь за руль, сказала Ева. – Была возможность прогнать вероятности по тому, что у нас есть. Все указывает на то, что Макквин пока еще в городе, что он будет искать жертв в Нью-Йорке, стараться ввязать меня в расследование.

– Логично.

– Не думаю. Оставаться в Нью-Йорке глупо, а он не глуп. Да, один раз он уже изменил своей привычке, а значит, наверняка изменит еще. Но я здесь уже двенадцать лет. Это теперь моя территория. Он хочет помериться со мной силами, это ожидаемо. Но с какой стати делать это на моей территории? Он может метнуться куда угодно.

– Нет Нью-Йорка – нет тебя, – заметила Пибоди.

– У него уже была одна попытка, так что не знаю. Как-то это все подозрительно. Слишком просто, слишком прямолинейно. Макквин мыслит масштабно. У него годы были на то, чтобы все спланировать, – и это все, что он смог придумать? Может быть, я сама слишком много об этом думала и у меня теперь паранойя? – Ева задумалась и расправила затекшие плечи. – Надо посоветоваться с Мирой. Ей я доверяю больше, чем вероятностям.

– Она была на награждении.

– Да, я заметила.

– Приятно было, столько друзей пришло. Спасибо тебе огромное, что пораньше меня отпустила.

– Имей в виду: пока Макквина не поймает, больше такого не жди.

– Все равно спасибо. Отцу с мамой было очень важно со мной по-настоящему поговорить. Папа нас в ресторан повез, причем не в вегетарианский, где какое-нибудь там «здоровое меню для людей Свободного века». Ели мясо, что скажешь? Все жалели, что вы с Рорком не смогли прийти. Родители понимают, но все равно жалко было.

– Я рада, что ты хотя бы так с ними повидалась. Ладно, давай выкладывай, что нашла. Мы почти на месте.

– Специальный агент Скотт Лоуренс, двадцать семь лет в Бюро, – зачитала Пибоди. – Поступил еще в колледже. Что ни год, то письменная благодарность. Прочат в шефы.

– Любопытно. И при этом главная по Макквину – Никос.

– Она и сама не промах. Лоуренс женат, двадцать два года вместе, двое детей. Она не замужем, девять лет в Бюро, докторская степень по психологии и криминологии. В Акаде-

мии была лучшей в классе. В общем, – добавила Пибоди, уже когда Ева с грохотом въехала и припарковалась на втором уровне над улицей, – на первый взгляд все нормально.

– Я так и подумала. Брэкен эта работает по ночам в стрип-клубе – сейчас барменшей, а раньше телом. Живет прямо над местом работы.

– Удобно, – заметила Пибоди, глянув на дом.

– Лицензию клубной компаньонки у нее отобрали – нашли в крови наркоту на одном из осмотров. Пятьдесят один год, замужем не была, сожителей и детей нет. Работала то тут, то там, пара приводов, тоже с наркотой связано. Серьезного ничего нет. В подростковом возрасте прогуливала школу, убегала из дому, воровала по мелочи.

– Как раз подходит для Макквина. Самое то.

Район, в котором жила Брэкен, наверняка знал когда-то и лучшие времена, но, на взгляд Евы, он выглядел так, словно всегда был грязным, мрачным и опасным. Стрип-бар, в котором она работала, примостился у тротуара, как гигантская расфуфыренная жаба. Изображенную на его вывеске щедро наделенную женскими прелестями стиптизершу неизвестный уличный соавтор столь же щедро одарил исполненным во всех деталях гигантским половым членом.

На свеженарисованное граффити похоже не было, так что Ева решила, что владельцу заведения либо плевать с высокой башни, либо он решил, что так вывеска смотрится даже интереснее.

С собой у Евы был универсальный полицейский ключ, но он не понадобился – замок на двери в жилую часть дома был сломан, причем в данном случае, похоже, недавно.

Ева уже привычно не обратила внимания на застоявшийся в узком подъезде и еще более узком лифте запах.

Пибоди зашлепала вслед за ней вверх по лестнице.

– Ну почему мужики в таких местах всегда мочатся на стены?

– Выражают свое презрение к помещению, – бросила Ева.

– Ха, – фыркнула Пибоди. – Четко. Моча как орудие презрения. Брэкен эта небось на самом верху живет.

– Да, квартира четыре-цэ.

– Ладно, я вчера мороженое съела – и еще у Макнаба откусила. Заслужила пройти пешком четыре этажа. Я вообще-то не собиралась его есть – просто смотрю: стоит готовое, все такое сладенькое, с сиропчиком. Ну это как с сексом. В смысле, ну когда он... готовый, что прикажешь делать? Сексом я заниматься, пока родители там за стеной спят, тоже не собиралась, но что поделаешь, когда... м-м-м... все уже готово.

– Пибоди, «сладенькое с сиропчиком» я тебе простить еще могу, но вот про «секс» и что там у вас у кого было готово, особенно в одном предложении с «родители», я слышать не желаю.

– Да ладно, они там, думаю, тоже сексом занимались.

Ева усилием воли заставила себя не поморщиться и не содрогнуться.

– Пибоди, хочешь четыре лестничных пролета задницей сосчитать? Сможешь еще раз свое мороженое отработать.

– Ой, тогда после всего этого сиропчика она у меня точно слипнется. Так что, видимо, нет.

– Вот и умница.

На двери нужной им квартиры не было ни сканера отпечатков, ни видеокамеры. Просто пара запоров и допотопная дырка вместо дверного глазка.

Ева кулаком пару раз бухнула в дверь.

– У напарниц Макквина всегда была отдельная квартира, – сказала она Пибоди. – И постоянная работа – иногда на полставки. По последней есть только то, что рассказали сами

потерпевшие. Помогала ему заманивать, похищать, приковывать. Отмывала, если Макквин решал позабавиться с одной из старых. И любила на это смотреть.

Пибоди побледнела.

– Значит, была таким же чудовищем, как и он.

– Да, значит, так, – согласилась Ева и еще раз постучала.

Дверь напротив отворилась.

– Мать вашу, кончай уже шуметь, а! Люди тут спать пытаются.

Ева оценивающе оглядела глазевшего на них соседа. На нем не было ничего, кроме пирсинга в соске и татуировки в виде свернувшейся змеи. Ева достала жетон:

– Я бы сказала, что это – непристойное обнажение, но обнажать тут практически нечего. Нам нужна Дэб Брэкен.

– А, черт. Дома она. Спит как убитая, – сказал тот и захлопнул дверь.

Ева опять забарабанила по двери и не перестала стучать, пока из-за нее не послышалась чья-то ругань. Еще минуту спустя из дырки на них уставился чей-то мутный глаз.

– Какого вам от меня надо?

Ева снова показала жетон:

– Открывайте.

– Черт, – донеслось с той стороны; глаз пропал, заскрипели засовы, щелкнул замок, и дверь отворилась. – Какого черта вам надо? – просипела Дэб Брэкен.

Судя по ее виду, попытка уснуть увенчалась успехом. Ее спутанные короткие волосы торчали во все стороны черными и медными прядями. На узком дряблом лице вокруг глаз и губ красовались разводы от не снятой косметики.

На самой Дэб был небрежно накинут черный халат, приоткрывавший недурные ноги и подозрительно бойкие для настоящих груди.

– Айзек Макквин.

– Кто-кто?

– Будешь мне мозги пудрить, Дэб, разговор продолжим в участке.

– Уроды, ломают мне дверь, не дают спать, а теперь еще и угрожают. Что за хамство?

– Айзек Макквин, – повторила Ева.

– Да слышала я уже, господи... – пробормотала Брэкен и хмуро окинула Еву мутным взглядом. – Сейчас, погодь, – и, повернувшись, зашаркала в глубь квартиры.

Ева приподняла бровь и проследовала за ней. Брэкен отошла в дальний угол захлавленной комнаты. Там была небольшая кухня, состоявшая из раковины, мини-холодильника и автоповара размером не больше коробки из-под обуви. Она ткнула на нем в одну из кнопок, из аппарата раздался резкий скрежет, затем глухой металлический звук.

Брэкен вытащила из него кружку и тут же залпом, словно горькое лекарство, опрокинула в себя содержимое. По запаху Ева определила дешевый заменитель кофе. Она подождала, пока Брэкен запрограммировала вторую кружку, и точно так же ее осушила.

– Айзек сидит, – наконец произнесла та.

– Уже нет.

– Что? – На лице Брэкен впервые промелькнуло что-то похожее на любопытство. – И как же это он свалил?

– Порезал медбрата и взял его пропуск.

– Человека убил? – переспросила она, нахмурившись еще больше. – Да ладно вам.

– Ему не впервой.

– Брехня, – помотала головой Брэкен и отхлебнула еще глоток. – Сидел он не за убийство, значит, никого не убивал. Айзек, конечно, сволочь, но он не убийца.

– Расскажи это вдове и дочке того медбрата. Так Макквин к тебе не заходил?

– Нет, конечно. Я для него – пройденный этап, – пробормотала она, смотря в кружку. – Сволочь.

– Вы его посещали в тюрьме, – сказала Пибоди.

– И что с того? Законом это не запрещается. Да его легавый какой-то подставил, чтоб в новостях покрасоваться. Ну, любил он порнушку с детишками, и что с того? У всех свои причуды, так? В любом случае я чисто пару раз к нему сходила, потрепаться, компанию ему составить.

– Одиннадцать визитов – это больше пары раз.

– Да кому какая разница? Я уж год его, наверно, не видела. Он меня отшил, прикинь? Сам на нарах и еще выеживается. Сволочь.

– Как вы с ним познакомились? – спросила Ева.

– А вам какое дело?

Ева дала Пибоди знак. Так достала из сумки папку и передала ей. Ева подошла поближе к Брэкен и выложила папку на кухонный столик.

– На, глянь, – сказала она, раскрывая папку. – Вот что он хранил у себя в квартире в запертой комнате двенадцать лет назад.

Брэкен побледнела и снова затрясла головой.

– Его подставили.

– Я сама там была. Это я их там нашла.

– Так это ты его подставила?

– Я его не подставляла, но это я его засадила. И засажу снова. А вот что он сделал вчера, чисто чтоб показать мне, что снова в деле, – Ева достала фотографию с осмотра Джули Копески. – Они с парнем теперь живут в его квартире. Он вломился, избил ее до полусмерти и изнасиловал. Я тут подумала, Дэб, а может, он решит и к тебе заглянуть, возобновить знакомство?

– Мне надо сесть.

– Валяй.

Брэкен, обходя хлам, доковыляла до кресла.

– Это все взаправду?

– Хочешь фото медбрата, которого он порезал?

– Нет, не надо. Сволочь. А он мне нравился. В смысле реально нравился. Так со мной всегда разговаривал, словно я в натуре для него что-то значу. Всегда комплименты говорил. Он же такой красавчик. И таким грустным всегда казался, типа ему поговорить не с кем, никто о нем не заботится. Я даже обиделась, когда он сказал, что видеть меня больше не желает. Вычеркнул из списка посетителей, на письма отвечать перестал.

– Но ты к нему не по доброте душевной ходить начала.

– Да я в этой программе была, реабилитировалась. У меня были проблемы с... препаратами. Ну, это вроде общественных работ было. Типа должно было мне на пользу пойти. И нормально все, я завязала. Хотите, анализ сдам. Уже почти девять месяцев как завязала. Но тогда... ну, может, и были у меня еще проблемы. А за каждый визит мне сотню давали. Сначала я ради денег, но потом... понравился мне этот гад. Понимаете?

– Кто все устроил?

– Я не хочу ему неприятностей устраивать.

– Дэб, у Макквина был конвейер из посетительниц. Таких, как ты, – добавила Ева, – с проблемами. Для работы он всегда подыскивал себе напарницу. Женщину с проблемами.

На щеках у Брэкен выступили пятна краски.

– Да чтоб я сдохла! Я в жизни ребенка не обижу – да хоть кого. Ладно, может, когда у меня проблемы были, я и совалась немного не в свои карманы, развела пару-тройку лохов,

но это все из-за моих проблем. Я никому зла не делала. Господи, я бы никогда ему не стала помогать детей мучить!

– И скорей всего поэтому он тебя и отшил. Кто все устроил?

– Стиб. Встречу сукина сына – убью. Это я не в том смысле, – быстро оговоришься Дэб.

– Рэндал Стиббл?

– Да он, он, – Брэкен поворошила пестрое гнездо у себя на голове. – Он той программой заправлял, типа психологом там был. И с эками тем же занимался. Когда Айзек меня обломал, все наперекосяк пошло, проблемы мои на какое-то время опять вернулись... Ну я на программу эту и забила. Но сейчас завязала, честное слово.

– Верю. О планах своих он с тобой не разговаривал?

– Ну, он иногда говорил, как хотел бы выбраться и расквитаться с тем копом, который его подставил. Это, значит, с вами, наверное?

– Ты ему в тюрьму что-нибудь проносила?

– Да завязала я, завязала! Уж девять месяцев как... и на работу устроилась. Вам, может, не понять, а я с пятнадцати лет на этом деле сидела...

– Ладно, – сказала Ева. – Но, – она снова постучала по фото Джули, – мне нужно знать.

– М-м-м... иногда я передавала кое-чего Стибу или охраннику этому...

– Лоуэту?

– Если сами уже все знаете, чего спрашиваете?

– Что именно ты ему передавала?

– Ну, может, порнушку с детишками иногда. Да, был у него такой грешок, ну а я кто была такая, чтоб его осуждать?

– Это все?

– Еще, может, приборчики всякие...

– Какие?

– Да не знаю я, честное слово, я в этой фигне не понимаю. Он мне давал список, я шла, покупала. Даже почти все на свои деньги. Сволочь. Говорил, хобби у него такое, а в тюрьме электронику держать не дают. Ну подумаешь, вреда ж никому от этого не было. Он такой милый был. Куколкой своей называл. Меня никто раньше куколкой не называл. И еще цветы мне посылал. Два раза.

– Как романтично.

– Ага, я тоже так подумала, – Дэб ссутулилась, мрачно разглядывая содержимое кружки. – А потом он меня отшил, и теперь оказывается, он взаправду все это с детьми вытворял. Надо было самой до всего дотумкаться, но я ж говорю, у меня тогда проблемы были. Когда не на зелье, все совсем по-другому выглядит.

– Если Макквин выйдет с тобой на связь, звони мне. – Ева протянула визитку. – Если придет, дверь не открывай. Вызывай девять-один-один и звони мне.

– Теперь-то уж вызову.

– И сделай себе одолжение, не звони Стибблу.

– Мне с этим... разговаривать больше не о чем. А он мне реально нравился. Псих больной.

– Ну и что ты думаешь? – спросила Ева по дороге к машине у Пибоди.

– То же, что и ты. Она рассказала правду. Но я считаю, Макквин, как отшил ее, так о ней даже и не вспоминал. И вряд ли решит к ней наведаться.

– Согласна. Но зато она со страху все вспомнила и нам выложила. И у нас теперь есть показания, что Стиббл работал посредником.

– И нам теперь с этим сукиным сыном будет о чем поговорить.

– Это уж как пить дать.

5

Стиббл снимал крохотное помещение на первом этаже, где устраивал терапевтические сеансы для наркоманов и им подобных. Там Ева с Пибоди его и нашли. Живьем, подумала Ева, Стиббл походил на крысеныша даже больше, чем на фото. Жиденькая кудрявая бороденка лишь подчеркивала его торчащий вперед подбородок, а очки с розовыми стеклами на его микроскопическом крючковатом носу делали его физиономию только глупее.

Очки, белый балахон, тощая косичка и кожаные браслеты на худых лодыжках создавали образ чего-то среднего между экзальтированным фри-эйджером и современным монахом.

Что, вероятно, и было его целью.

Стиббл и еще трое сидели на полу вокруг какой-то пирамидки. На заднем плане побрякивали и звенели арфы с гонгами.

Стиббл прервал беседу и радушно заулыбался вошедшим.

– Добро пожаловать! Мы только что начали нашу визуализацию. Пожалуйста, присоединяйтесь. Как к вам лучше обращаться?

– Лейтенант, – ответила Ева, вытаскивая жетон. – И можешь начать визуализировать поездку в участок.

– Что-то случилось?

– Случилось. Айзек Макквин случился. А ты, так уж случилось, получая от государства зарплату, подрабатывал, устраивая ему собеседования с претендентками на роль напарницы.

– Вас кто-то ввел в заблуждение, – ответил Стиббл, складывая руки на груди. – Давайте все проясним. Через сорок минут у меня закончится занятие, так что если вы соблаговолите...

– Ты сам встанешь, – ласково спросила Ева, – или тебе помочь? Занятие окончено, – оповестила она коленопреклоненную тройку.

– Эй, я за него заплатил! – возмутился один из страждущих.

Ева осмотрела подавшего голос – тощий, небритый, взгляд вымученный.

– И сколько он с тебя содрал?

– Семьдесят пять баксов. Льготный тариф для первого занятия.

– Приятель, тебя надули. Пибоди, дай этому джентльмену адрес ближайшего центра реабилитации. Занятия там бесплатные. На полу там, конечно, не сидят и на пирамиды не пялятся. Зато там дают более-менее съедобный кофе с печеньем.

– Я решительно протестую против намеков на то, что я...

– Рот закрой, – бросила Ева Стибблу. – Простите, что прерываем занятие, – обратилась она к остальным. – Вашему преподавателю требуется кое-куда проехать.

– Давайте встретимся в другой день! – вскакивая, возопил Стиббл в попытке остановить паству. – Пожалуйста, не дайте этому досадному происшествию свратить вас с пути к здоровью и благополучию!

– Закрывай лавочку, Стиббл.

– У меня на сегодня записаны...

– Пибоди, зачитай ему его права.

– Стойте, стойте! – Стиббл, отчаянно размахивая руками, запрыгал вокруг невозмутимо оглашающей ему его права Пибоди.

– Мистер Стиббл, вам ясны ваши права и обязанности?

– Вы не можете меня арестовать! Я ничего не совершил! Я...

– Отвечай на вопрос, – прервала его Ева.

– Да, я все понимаю, но я не понимаю, в чем, собственно, дело? Айзек Макквин несколько раз посещал мои занятия. Я уже много лет их провожу в «Райкерс». Слышал, он сбежал. Это ужасно, но я-то здесь ни при чем...

– Дэйв Брэкен. Знакомое имя?

– Я... я... не уверен.

– Зато она тебя вспомнила без заминок. И что ты ей по сотне баксов за визит к Макквину отстегивал. У меня целый список имен, и готова поспорить – все их обладатели тебя тоже вспомнят.

– Человеческое общение – неотъемлемая часть процесса реабилитации. В этом нет ничего противозаконного.

– А в том, чтобы получать взятки от осужденного и водить ему женщин – есть. Ты деньги по доброте и щедрости душевной отваливал, Стиббл? Сколько Макквин тебе заплатил?

– Да это просто смешно! – взвыл тот, но взгляд его панически заметался под розовыми очками. – Я боюсь, мисс Брэкен в то время находилась в наркотической зависимости. Она просто что-то перепутала, только и всего...

– Я сейчас предъявлю тебе обвинение в соучастии в похищении и избиении двух людей, и изнасиловании.

– Вы шутите, – Стиббл попятился, паника на его лице сменилась неподдельным ужасом. – Да я в жизни ни одно живое существо не обидел!

– А вот Макквин обидел. И ты ему в том много лет помогал и поощрял его.

– Это все грандиозная ошибка. Своими угрозами вы меня крайне расстроили. Я считаю, нам всем нужно сделать несколько глубоких очищающих вдохов и выдохов.

– Пибоди, наручники.

– Подождите, подождите! – Стиббл снова замахал руками. – Да, я несколько раз приводил к нему женщин. В терапевтических целях и с официального одобрения. Естественно, их – женщин – приходилось вознаграждать за потраченное ими время. Реабилитация требует различных средств.

– Кончай мозги пудрить. Сколько он тебе заплатил?

– Небольшой гонорар. Сущий пустяк, просто чтоб покрыть мои расходы.

– Штука в месяц – нехилые расходы, Стиббл. Мы нашли тот твой банковский счет.

– Пожертвования! – прозвучал в ответ едва слышный писк. – Пожертвования для моего центра. Это полностью законно.

– Как ты находил ему женщин? Они не все из местных.

– Я... э-э-э... через мой центр прошло много людей с проблемами.

– Кого он выбирал из всех этих людей с проблемами? Кого выбирал себе в напарницы?

Глаза у Стиббла забегали, и Ева поняла: выдавить из него правду она теперь сможет уже буквально двумя пальцами.

– Я не знаю. Я не знаю, о чем вы.

– Знаешь, знаешь. По физиономии твоей вижу, – не шевельнув ни единым мускулом на лице, ровным, мрачным голосом произнесла Ева и придвинулась к Стибблу ровно настолько, чтобы вторгнуться в его интимное пространство. – Ты прекрасно знал, что он задумал, но пока ты пассив в его кармане, тебе было на это насрать. Он выбрал из них одну. Имя!

– Я не могу сказать то, чего не знаю!

Ева рывком развернула его, прижала к стене, заведя руки за спину и защелкнув на них наручники.

– Нет! Что вы делаете? Так нельзя! Я же сотрудничаю со следствием!

– А по мне так это называется сопротивлением при аресте. Вы арестованы за получение взятки, находясь на муниципальной службе, за пособничество осужденному преступнику, за соучастие в его побеге, за убийство, за...

– Убийство!.. – пролепетал Стиббл.

– За убийство Нэйтана Ригби. Макквин во время побега перерезал ему горло, и ты за него ответишь.

– Я же не знал... Откуда я мог знать?

– Имя! – рявкнула Ева и, схватив Стиббла за загривок, поволокла к выходу. – Имя напарницы!

– Сестра Сьюзен! Это сестра Сьюзен! Отпустите!

– Где она?

– Не знаю! Клянусь, я не знаю.

Ева остановилась, слегка ослабила хватку.

– Откуда ты знаешь, что он выбрал ее?

– Он сказал: больше никого к нему не водить! Я им сообщения друг от друга передавал, диски. Я не знаю, что там было. Он говорил, куда посылать, каждый раз на другой адрес. Это все, что я знаю.

– Ну, в этом я сомневаюсь. Но для первого раза достаточно. – И Ева вытолкнула его на улицу.

– Я же вам помог! Вы не можете меня просто так арестовать!

– Могу – и арестую.

Ева собиралась пропустить его через все формальности, допросы, а потом еще раз насесть на него.

«Он еще массу всего может выложить, и выложит, не сомневаюсь, – решила она. – А Пибоди пока пусть поплотнее займется сестрой Сьюзен Дэвон. Где она, интересно?»

Не успела Ева припарковаться на стоянке под зданием управления, как ее коммуникатор засигналил.

– Даллас слушает.

– Лейтенант, немедленно явитесь в кабинет майора Уитни.

– Так точно.

– Думаешь, что-то выяснили? – спросила Пибоди.

– Узнаем. Одна с этим козлом справишься?

Пибоди глянула через плечо на Стиббла, всю дорогу всхлипывавшего на заднем сиденье.

– Думаю, да.

– Сдашь его, скажешь, чтоб посадили в комнату для допросов и ждали моего возвращения.

Стиббл не перестал всхлипывать и по дороге к лифту. Ева выскочила из кабины и, пересев на эскалатор, поспешила к Уитни.

Секретарь уже ждала ее и, впустив, закрыла за ней дверь.

– Сэр, мы с детективом Пибоди задержали Рэндала Стиббла. Он сообщил нам имя напарницы! – с порога объявила Ева.

– К этому мы еще вернемся. Присядьте, лейтенант.

Ева всегда предпочитала стоять, и Уитни это было известно, но тон его не предполагал возражений.

– Сэр?

– Макквин объявился. Он взял заложника.

– Заложника?

– Полагаем, что так. В жертвы она по возрасту уже не годится.

– Уже? – переспросила Ева, и внутри у нее все скрутило. – Он похитил одну из своих прежних жертв. Одну из тех девочек. Я совершенно... я должна была это предвидеть! – Она попыталась абстрагироваться от этой мысли и продолжила: – Откуда известно, что это именно он?

– Он оставил сообщение. – В дверь постучали, и Уитни кивнул вошедшей доктору Мире.

Мурашки пробежали у Евы по спине.

– Ева.

Мира села рядом в кресло вполоборота к ней. Ее миловидное лицо было как всегда спокойным, но в глазах была такая тревога, что Ева вскочила:

– Сэр!

– Даллас, сядьте. Я пригласил доктора Миру присоединиться к нам, потому что я – мы оба – ценим ее профессиональное мнение и интуицию. Я ввел ее в курс дела.

Ева послушно села, и Уитни поднес еще одно кресло, поставил – впервые за все их знакомство – прямо напротив нее и сел, смотря ей прямо в глаза.

– Сегодня приблизительно в двенадцать часов ночи Айзек Макквин похитил Мелинду Джонс, одну из двух близнецов, бывших последними его жертвами двенадцать лет назад.

– Я знаю, кто такая Мелинда Джонс, – тихо сказала Ева. – Она посетила его в тюрьме, когда ей было девятнадцать. Я не успела ею заняться, – во рту у нее пересохло, сердце бешено стучало. – Она живет в Далласе, вместе с сестрой. Сестра – коп. Они из Далласа. Моя фамилия! Что было в сообщении?

– Детектив Джонс позвонила сестре. Вот что оказалось на ее автоответчике. – Уитни, не сводя взгляда с Евы, дал команду компьютеру включить присланную полицией Далласа запись.

Привет, Бри! Надеюсь, ты меня не забыла. Мелинда не забыла. Я ей устроил встречу старых знакомых. Она выросла в такую красивую женщину. Надеюсь, ты на нее по-прежнему похожа, пусть и с другой прической. Это Айзек, твой старый приятель. Мы с Мелиндой наверстываем упущенное, столько лет прошло! Надеюсь и с тобой повторить. Нас тогда так грубо прервали, мы едва успели друг друга узнать. Будь хорошей девочкой, передай это Еве Даллас – она у нас теперь лейтенант. Я тебя жду. Если через восемь часов после передачи этого сообщения Даллас не вылетит в Даллас – здорово, правда? – ну, что ж, Мелинде будет очень грустно жить с девятью пальцами. И это только начало. У тебя восемь часов, Ева. Пошел второй раунд. Целую, Айзек.

– Телефон запеленговали?

– Звонок был из ее машины. Не дальше мили⁵ от ее квартиры.

– Во сколько сестра ей звонила?

– В десять сорок три утра.

– Еще нет двенадцати. Успеваем.

– Нам неизвестно, жива ли она, – начал было Уитни.

– Сэр, он не станет ее убивать. Н-не сразу. Он выбрал ее из совершенно конкретных соображений. Она бросила ему вызов, тогда, в тюрьме. Больше никто из его жертв или их родственников в списках посетителей не значится. К тому же он приложил немало усилий, чтобы все это устроить. Ему нужно было ее похитить, нужно где-то ее держать, а значит, он это спланировал и, чтобы все подготовить, задействовал напарницу. Бессмысленно сразу же ее убивать...

⁵ Миля равна 1605 м.

– Я склонен согласиться, но все же вполне вероятно, что она – живая или мертвая – нужна ему лишь для того, чтобы заманить тебя. Ему нужна ты, в Далласе, на чужой территории и без управления у тебя за спиной. И я согласен: он приложил немало усилий, задействовал напарницу, и он подманивает тебя.

Уитни внезапно замолчал, слегка наклонился к Еве и произнес:

– Лейтенант, вы понимаете, что я не могу отдать вам приказа совать туда нос?

– Сэр, вне зависимости от того, ищет он со мной встречи или нет, пока этого не произойдет, он не остановится.

«Так и знала, – думала Ева. – Так и знала, что все случится не здесь, не на моей территории».

Но Даллас... То, что Макквин выберет Даллас и одну из девочек, ей в голову не приходило.

«А должно было прийти».

– Он хочет бросить мне вызов, – сказала она вслух. – Он будет пытаться Мелинду Джонс и/или других жертв, пока я не отвечу. Он не торгуется. Он не остановится, пока я не явлюсь туда, куда он скажет.

«Выбора нет, – подумала она. – Он не оставил мне выбора. Один – ноль в его пользу».

– Сэр, я предпочла бы сделать это с вашего разрешения и с поддержкой нашего и местного Управления полиции. Но я готова отправиться и сама по себе. Мне положен отпуск, и я собираюсь его взять.

– Я уже переговорил с начальником детектива Джонс. Он готов принять вашу помощь и подключить вас к расследованию в качестве консультанта. Тем не менее... – Уитни задумчиво похлопал себя по коленям. – Даллас, все мы в курсе вашего прошлого, того, что вас связывает с этим городом. Полагаем, и Макквин тоже.

Ева почувствовала, как желудок у нее свернулся тугим ледяным комком.

– Следует предполагать, что основные факты моей биографии ему уже известны. Что меня нашли в Далласе и в каком состоянии. Это для него только дополнительный стимул выманить меня туда. Вы же его знаете, – добавила она, обращаясь к Мире. – Знаете, что так все и выйдет.

– Майор Уитни, если вы не против, я хотела бы остаться с Евой наедине, на пару минут.

Уитни нахмурился, но кивнул и поднялся с кресла.

– Да, конечно.

– Это пустая трата времени, – сказала Ева, как только дверь за ним захлопнулась. – И так всем понятно, что я должна туда лететь, так что незачем все до посинения обсуждать.

– Я не дам тебе покинуть Нью-Йорк, если ты не поговоришь со мной.

– Вы не можете.

Ласковый взгляд голубых глаз доктора Миры сделался тверже стали.

– Не будь так уверена.

– Вы позволите ему пытаться, расчленивать, убить невинную женщину ради того, чтобы я не испытала какую-нибудь там эмоциональную травму? – воскликнула Ева. – Я – коп, и не вам решать, еду я или нет.

– Это как раз мне и решать, – вспыхнула Мира. – Ты даже глазом не моргнула. Не раздумывала. Так что изволь подумать здесь, вместе со мной, – Ева не помнила, когда последний раз видела ее в таком гневе. – Или ты предпочтешь сломя голову рвануться туда и потом обнаружить, что в тот самый момент, когда от тебя действительно будет зависеть жизнь невинных людей – и твоя собственная, – ты не сможешь с собой совладать? Даллас – то место, где тебя избивали и насиловали.

– Чикаго тоже. Оттуда я тоже кое-что помню, и еще пару других мест. Хотите, список составлю, чтоб вы распоряжались, куда мне можно, а куда нельзя?

– В Чикаго ты своего отца не убила. Постоять за себя ты смогла именно в Далласе. И по улицам шаталась, залитая кровью, со сломанной рукой и в шоке, ты именно там. И тебе было всего восемь.

– Помню. Меня это касалось напрямую.

– И ты годами подавляла эти воспоминания, пыталась, как могла, защититься от этого много лет продолжавшегося насилия. Тебя мучили кошмары.

– Теперь уже не мучают. Я справилась. Они прекратились. Почти совсем.

– А ты хоть на секунду задумалась, к чему может привести возвращение туда в таких вот обстоятельствах? Именно туда, в погоне за человеком, физически, сексуально, эмоционально насилующим детей, в точности как твой отец – тебя? Ты задумывалась, как это может повлиять на твою способность здраво мыслить и исполнять свою работу?

– Думаете, я сама хочу туда возвращаться? – Ева вспыхнула, словно из груди ее вырвался маленький фонтан гнева. – Я туда однажды уже возвращалась – на те улицы, даже на ту самую аллею, где меня нашли. Я через все это прошла и пообещала себе, что больше туда не вернусь. Он мертв, и тут тоже, – Ева указала себе на висок. – И я не знаю, не вернется ли он, если я вернусь туда. Бог свидетель, я не хочу снова его видеть, чтобы он опять был у меня в голове. И что я, по-вашему, должна сделать? Дать ей умереть просто потому, что я боюсь его, боюсь всего этого?

– Нет, – теперь голос Миры был спокоен. – По-моему, ты должна лететь туда, сделать свою работу, найти его и остановить.

– Так вы что, просто хотели, чтобы я сначала все это вам вывалила?

– Именно. Ева, я за тебя волнуюсь. Ты значишь для меня гораздо больше, чем любой из моих пациентов. Я волнуюсь за тебя как за собственного ребенка – и полностью отдаю себе отчет в том, что временами это чувство может делать и делает наше общение затруднительным.

Она вздохнула, печально и горько одновременно.

– Для матери всегда главное – защитить своего ребенка. Она также должна уметь его отпустить, но не раньше, чем удостоверится, что он к этому готов. Нельзя быть готовой, если не можешь признать самой себе и мне во всех этих страхах и сомнениях. Теперь я могу тебя отпустить, даже если в глубине души отпускать не хочу.

– Я не хочу туда ехать, – даже сказанные шепотом, слова резали ей горло как гвозди. – Но если не поеду, не смогу дальше жить.

– Я знаю. Макквин постарается использовать все, что он знает о твоём детстве, чтобы причинить тебе боль. Он будет пытаться манипулировать тобой, выискивать, где твои самые больные места. Пообещай, что позвонишь, если тебе потребуется моя помощь.

Ева вернулась в кресло, откуда, не помня себя, вскочила в предельном волнении.

– Мне в жизни иногда тяжело от того, что вместо воспоминаний о матери и отце у меня – сплошная боль и извращение. Она меня ненавидела. Это главное, чем она мне запомнилась. То, с какой ненавистью она на меня глядела. Так что я не знаю, как нужно правильно реагировать на, ну, не знаю, настоящую материнскую любовь и поддержку.

– Я понимаю. Мы можем обсудить это потом, когда ты будешь к этому готова, – сказала Мира и положила ладонь Еве на руку. – Пообещай мне, что позвонишь, если тебе потребуется моя помощь.

– Позвоню, обещаю.

Мира встала, но пойдя к двери, остановилась.

– Ты теперь сильнее, чем была тогда. Но ты всегда была сильной. Ты теперь умней, чем была тогда, но ты всегда была умна. В тебе есть больше, потому что ты научилась больше отдавать и принимать. Ты за эти двенадцать лет изменилась. Он – нет. Воспользуйся этим, –

проговорила она и отворила дверь, впуская Уитни. – Майор, я считаю, лейтенант Даллас готова приступить к этому заданию.

– Выбор за вами, лейтенант, – сказал он.

– Сэр, вы же знаете, я его уже сделала.

– Хорошо. Лейтенант Риккио допустил вас до расследования и разрешил взять с собой еще одного из вашей команды на ваш выбор. Если хотите взять Пибоди, я распоряжусь.

– Сэр, Пибоди нужна мне здесь. Она изучала дело и уже нашла данные на напарницу. К тому же у нее под стражей соучастник Макквина, который может дать нам дополнительные сведения. Я хочу, чтобы она осталась здесь в качестве основного следователя по этому делу.

– Как угодно.

– Я сообщу ей все эти новости. С собой я хотела бы взять в качестве гражданского эксперта-консультанта Рорка, если он сможет.

– Сделайте все так, как сочтете наилучшим, и сообщите, когда вылетите, – сказал Уитни и, вынув из кармана диск, протянул его Еве. – Здесь данные на лейтенанта Риккио, детектива Джонс и прочих детективов и офицеров, с кем вам, вероятнее всего, придется работать.

– Спасибо, сэр. Это очень... предусмотрительно.

– Я своих копов знаю, – просто сказал он, – а вам это сэкономит время. Удачной охоты, лейтенант.

Ева поспешила в свой отдел. Время все обдумать и спланировать будет и в самолете, но сейчас нужно было действовать быстро.

Пибоди она нашла стоящей у торговых автоматов при входе в «загон». Та с сомнением разглядывала предложенное ей на выбор.

– Пибоди, за мной, – скомандовала Ева и, не задерживаясь, прошла в свой кабинет.

– Стиббл ждет. Я просто собиралась что-нибудь перекусить, а потом...

– Позже перекусишь. Макквин в Далласе. Вчера он похитил Мелинду Джонс, одну из своих бывших жертв.

– Она жива?

– Предположительно. Он оставил сообщение для ее сестры. Зовет меня туда, поиграть с ним.

– В... – Пибоди осеклась, захлопнула дверь. – Он что, знает?..

– Неясно, – отрывисто ответила Ева, собирая бумаги в коробку. – Я вылетаю сию секунду.

– Хочешь сказать, мы вылетаем?

– Нет. Ты нужна мне здесь. Разберись со Стибблом. Выжми из него все до последней капли. Продолжай работать по сестре Сьюзен, найди на нее все, что сможешь. Она в Далласе. Должна была все подготовить для Макквина. У них где-то там место, достаточно уединенное, чтоб держать заложника. У нее самой – отдельная квартира, где-то неподалеку. Подключи Бакстера и Трухарта. Понадобятся еще люди – звони, я все устрою.

– Одна ты туда не поедешь, – возмутилась Пибоди, загоразживая собой дверь.

– Детектив Пибоди, вам неясен приказ? – Ева удивленно приподняла бровь.

– Даллас, вот не надо. Не надо мне этих твоих психологических атак. Это же ловушка! К тому же там. Так, где... в общем, там.

– Я знаю, где это, и уж конечно, догадываюсь, что он готовил мне ловушку. Но он захочет потянуть время, поиграть со мной. В этом его просчет.

Но Пибоди скрестила руки на груди и расставила ноги.

– Я еду с тобой.

– Пибоди, я знаю, что ты пыталась заниматься рукопашным боем, но я тебя за пять секунд уделаю, – произнесла она и вздохнула, видя, что та лишь еще решительней на нее уставилась.

«Сначала Мира, – подумала Ева, – теперь она».

– Если я не в состоянии за себя постоять, мне в управлении не место.

– Не о том речь, – ответила Пибоди. – Это совсем другое дело.

– Каждое дело – совсем другое, и над каждым мы работаем по-своему. Но работаем, делаем свою работу и идем на риск, если она этого требует. Вот и все.

Ева прикинула, не отпихнуть ли ей просто-напросто Пибоди с дороги, но передумала. Идея унижить подобным образом напарника не только оставила неприятный осадок, но к тому же Пибоди ей была нужна на коне, уверенная в себе и с ясной головой.

И помимо всего этого, ей просто не хватило бы духу в ответ на беспокойство так вот плюнуть в душу своему другу.

– Я сейчас позвоню Рорку, спрошу, не найдет ли он время поехать со мной консультантом. Уитни с начальством в Далласе уже все обсудил. Пибоди, не спорь. Мне надо ехать и надо знать, что ты здесь в состоянии принять на себя расследование.

– Мне? Расследование? Но ведь Бакстер...

– Ты изучала дело Макквина и в курсе всех этапов расследования на данный момент. Ты, черт подери, офицер полиции, тебе только что медаль дали. Так что ты возьмешь на себя расследование в Нью-Йорке и сделаешь все, как тебя учили. И не подведешь меня.

– Я тебя не подведу. Но, пожалуйста, не надо лететь туда одной. Если Рорк прямо сейчас не сможет, возьми кого-нибудь еще. Кого-нибудь знакомого, надежного. Ты же там никого не знаешь.

– У меня есть дела на всех в местном департаменте. Если Рорк сейчас занят, я спрошу Фини.

– Ладно. Но если я тебе понадобится...

– Я знаю, где тебя найти. А теперь мне пора. Он мне всего восемь часов дал, и часы тикают. Пришли мне все, что вытянешь из Стиббла, и все, что найдешь по напарнице.

– Я буду звонить каждый час, – сказала Пибоди и, не без колебаний уступив Еве дорогу, пошла за ней. – Как лучше обработать Стиббла? Может...

– Ты сама все знаешь. Действуй. Но сначала введи наших в курс дела, – сказала она напоследок и с этими словами вышла.

Спускаясь на парковку, Ева вытащила телефон, вызвала Бакстера.

– Здорово, – отозвался тот.

– Бакстер, я вылетаю из города, иду по следу Макквина. Пибоди остается вместо меня. Вы с Трухартом будете работать под ее началом. Она теперь за главного.

– Вас понял.

– Не надо ее слишком сторожить, но и сиделкой работать тоже не нужно.

– Слишком – это как именно? Ладно, Трухарт меня попридержит. Счастливого пути, лейтенант. Ты уж схвати этого гада за яйца.

– Таков план, – сказала Ева и, отключившись, на ходу стала набирать рабочий номер Рорка.

С экрана ей улыбнулась его секретарь, Каро.

– Добрый день, лейтенант Даллас. У Рорка как раз заканчивается видеоконференция. Если важно, могу соединить прямо сейчас.

– Я еду к нему. Нужно поговорить. Это срочно.

Каро сразу сделалась серьезной.

– Я отменю следующую встречу.

– Спасибо.

«Ну вот и все, поехали», – подумала Ева, запрыгивая в специально сконструированный ради нее Рорком городской внедорожник и вдавливая педаль газа в пол. В дороге, обгоняя, стремительно протискиваясь, перепрыгивая на вертикальном взлете другие машины, она загрузила данный ей Уитни диск в бортовой компьютер и начала пролистывать личные дела лейтенанта Риккио и его отряда.

В просторном черно-белом вестибюле штаб-квартиры корпорации Рорка к ней тут же подскочил один из охранников:

– Лейтенант, сюда вызвали лифт специально для вас.

– Спасибо, – отрывисто сказала она и быстрым шагом направилась прямо, мимо голографических карт, рек и гор, цветов и снующих из магазинчиков в кафе и обратно людей.

Охранник посадил ее в лифт, но сам остался снаружи.

– Все уже запрограммировано, доставит вас прямо в офис мистера Рорка, – сказал он, и двери закрылись.

Пока скоростной лифт поднимал ее все выше и выше, Ева мерила кабину шагами и продолжала приводить мысли в порядок, планировать, что еще и как именно ей нужно успеть сделать.

Двери лифта открылись, Рорк ее уже ждал.

– Что случилось?

– Макквин взял заложника, – с ходу выдохнула Ева и, когда он сжал ее руку, осознала свою ошибку: Рорк решил, что это кто-то в Нью-Йорке, кто-то из их близких.

– Кто?

– Мелинда Джонс. Одна из двух близняшек, последних его жертв.

– Я помню. – Выражение лица Рорка оставалось все таким же напряженным.

«Он все помнит», – подумала Ева.

– Она в Далласе, – произнес Рорк.

– Похитил ее прошлой ночью. Подробности потом могу рассказать. Он дал мне срок – либо я вылетаю, либо он начнет резать ее по кусочкам.

– Он хочет, чтобы ты прилетела в Даллас? – Он сощурил свои прекрасные синие глаза. – Он именно этого потребовал?

– Да, и дал мне восемь часов, начиная с момента, когда ее сестра получила сообщение. Это было в десять сорок три по местному времени. Сейчас двенадцать сорок, так что на дорогу у меня шесть часов. Или погоди... с ними разница во времени, так что у меня на час меньше. Или больше? Черт, даже это сообразить не могу.

– Времени хватит. То, что он в Далласе, – не случайность.

– Не без того. Но это все мы можем и потом обсудить. Прямо сейчас мне надо не терять времени на всякую чушь. Мне дано разрешение лететь туда с напарником, помощником и так далее и подключиться к расследованию. Пибоди останется здесь, мне нужно, чтобы она занималась делами в Нью-Йорке.

Рорк молча кивнул и без лишних слов пошел к дальней стене своего огромного кабинета, туда, где на фоне безбрежного вида на Нью-Йорк стоял его рабочий стол.

– Каро, отмени все запланированные встречи, впредь до особого распоряжения меня ни для кого нет. Мне нужен полностью заправленный самолет до Далласа, штат Техас, пусть подадут прямо на корпоративную стоянку, прямо сейчас, – проговорил он в интерком и отключил связь. – Ева, присядь на секунду.

– Я не просила тебя лететь со мной. Я собиралась, но ты мне даже возможности не дал.

– Ты что, думала, что можешь улететь туда без меня? Ты правда так думала?

Ева на секунду прикрыла глаза.

– Что, вот так просто, ни вопросов, ни возражений, ни «Ева, тебе нельзя туда возвращаться»?

– Это была бы пустая трата моего и твоего времени. Ты едешь, и это будет испытание. Не едешь – это будет пытка.

Ева вздохнула, но вздох вышел судорожным. И бросилась к нему, обхватив руками.

– Да, я знаю. Но вернуться туда без тебя – об этом я даже думать не хочу.

– Значит, не думай. – Рорк, немного отстранившись, заглянул ей в глаза. – Мы с этим справимся, вместе.

– Справимся. Мне – нам – надо домой, собрать вещи, – ответила она, но Рорк лишь снова снял трубку; секунду спустя на экране возник Соммерсет.

– Мы с Евой вылетаем в Даллас по срочному полицейскому делу. Мне нужно, чтобы ты как можно быстрее упаковал наши вещи и передал их на мой самолет для внутренних рейсов, он будет на стоянке у штаб-квартиры.

– Слушаюсь. Недельного запаса одежды будет достаточно?

– Да, вполне. Дополнительные распоряжения получишь, когда мы будем уже в пути. Спасибо, Соммерсет.

Даже посреди всей этой спешки и беспокойства Ева не могла упустить возможности изобразить на лице ужас:

– Соммерсет будет упаковывать мою одежду? Что, и нижнее белье тоже?

Рорк обернулся и подмигнул ей.

– Похоже, это тебя беспокоит больше, чем перспектива встречи с Макквином.

– Одно оскорбляет мое достоинство, второе всего лишь разжигает аппетит. Ну да ладно, перебуюсь. Экономия времени.

– Потратить его на то, чтобы посидеть, перевести дыхание. Мне нужно отойти на пару минут, посоветоваться с Каро.

– Рорк, – позвала Ева, по-прежнему оставаясь на ногах. – Я ведь знаю, ты считаешь, что ездить со мной на такие вот задания – часть супружеских обязанностей.

Рорк лишь улыбнулся:

– Ох и любишь ты рассуждать об обязанностях.

– Да, если они очевидны и понятны. Я знаю, что вечно тебя подначиваю, мол, ты захватываешь мир, скупаешь планеты. Это не значит, что я не понимаю, сколько на управление всеми твоими делами требуется сил, времени, нервов. Я понимаю. И я знаю, что ты ради меня тучу важных дел откладываешь. Я не считаю это чем-то само собой разумеющимся.

– Ева, – сказал Рорк. – Я помню, как однажды, в Ирландии, я стоял посреди поля один, немного в сомнениях, куда идти, и хотел тебя сильнее, чем воздуха в легких. И ты пришла ко мне, хотя я тебя и не просил, пришла, потому что знала, что нужна мне. У нас не всегда получается поступать правильно. Даже по отношению друг к другу. Но в тех случаях, когда это по-настоящему нужно, когда от этого все зависит, уверен, мы всегда поступаем именно так. Так, как правильно, ради друг друга. Это не обязанность, Ева. Это просто любовь.

«Просто любовь», – думала Ева, выходя на улицу.

Пусть ей и предстояло в погоне за убийцей спуститься в свой личный ад, в тот момент она ощущала себя самой счастливой женщиной на свете.

6

Времени полет занял немного, и первую его половину Ева провела, дочитывая то, что ей переписал Уитни, а затем расхаживая по салону взад-вперед, размышляя о том, с какого конца взяться за предстоящую задачу. Но вскоре Рорк закончил что-то делать на своем наладоннике и прервал ее размышления:

– Расскажи, что нас ожидает сразу.

– Трудно сказать, – ответила Ева. Ее беспокоило это не меньше. – Непосредственный начальник Джонс – лейтенант Антон Риккио. Он заведует спецотделом по работе с жертвами насилия, чаще всего имеет дело с насильниками и педофилами. Джонс прямиком к нему и хотела устроиться.

– А сестра ее – прямиком в психологи по работе с теми же самыми жертвами насилия. Полагаю, они сотрудничали.

– Да, во многих делах отдела психологом значится именно Мелинда. Сам Риккио уже двадцать лет на службе. Дважды женат, со второй женой уже двенадцать лет вместе. Сын от первого брака, восемнадцать, и дочь от второго, десять лет. Судя по записям, начальник нормальный, людей своих не давит. Джонс поставил в напарницы к Анналин Уокер, из детективов у нее больше всех опыта. Пятнадцать лет в полиции, последние девять – у Риккио. Не замужем, детей нет. Солидный послужной список. Работать будем в основном с ними.

Еву прервал телефонный звонок.

– Федералы, – констатировала она, взглянув на дисплей, и подняла трубку. – Даллас слушает.

– Ну и где же хваленое сотрудничество и обмен информацией? – возмутилась с экрана Никос.

«Похоже, разозлилась, – подумала Ева. – Не на шутку разозлилась».

– Агент Никос, времени в обрез. Всю информацию можете получить от моего начальства и от детектива Пибоди. Расследование в Нью-Йорке теперь ведет она.

– Если Макквин в Далласе и взял заложника, мы с Лоуренсом тоже вылетаем.

– Вопросом вашего перелета и координации с местным департаментом должна заниматься не я.

– Все уже организовано, мы прилетаем где-то через час после вас. Но вы могли хотя бы предложить нас подбросить.

– Слушайте, Никос, я сейчас занята делами поважнее вашей командировки. Макквин взял заложника, это одна из его бывших жертв, и у него есть все основания хотеть причинить ей вред. Мы полагаем, что установили личность его напарницы. Это некая сестра Сьюзен Дэвон, проживает в Батон-Руж. Моя команда во главе с детективом Пибоди пытается отследить ее местоположение.

– Я в курсе. В Бюро тоже умеют работать, и не хуже вашего. Мы выяснили, что еще три года назад никакой Сьюзен Дэвон не существовало. Отпечатки и ДНК в ее документах подложные, принадлежат некоей Дженни Пайк, та уже десять лет как труп. Сейчас мы прогоняем ее фотографии через базу данных на предмет совпадений.

– Она должна быть в Далласе, с Макквином.

– Возможно. А может быть, он от нее уже избавился.

«Да нет же, нет! – мысленно взывала Ева. – Давай шевели мозгами».

– Она ему все еще нужна. У него не было времени найти новую напарницу. Она там, с ним. Выдавать себя за сестру Сьюзен она начала еще до Макквина, то есть документы подделала сама. Значит, на этот раз Макквину повезло с опытной мошенницей. Детектив

Пибоди сейчас допрашивает Стиббла, это он их свел. Если он что-то знает, Пибоди это выяснит. Мы заходим на посадку, продолжим разговор, когда доеду до лейтенанта Риккио.

Ева отключилась, посмотрела на Рорка и выругалась.

– Переживаешь, что фэбээровцы только усложнят дело?

– Переживаю, что забыла поставить их в известность. Даже мысль такая в голову не пришла, а должна была. Я обещала им сотрудничество и предоставление всей информации.

– Если они всего на час от нас отстают, всю информацию они и так получают довольно скоро.

– Но должны были получить ее от меня, – Ева запустила пятерню в волосы и снова принялась расхаживать по салону. – Теперь придется перед ними извиняться. Терпеть этого не могу. Да, и еще одно: Риккио теперь придется наняться не только с копом из Нью-Йорка, но и с федералами в придачу. Мне бы на его месте было... ммм... слегка некомфортно.

– У тебя есть лишний час убедить его, что с тобой у него проблем не будет. А фэбээровцы пусть сами налаживают с ним отношения.

– Пожалуй, – подумав, согласилась она.

Ева повернулась, чтобы продолжить мерить салон шагами, но Рорк перехватил ее на полпути и силой усадил в кресло.

– Лейтенант, пора пристегиваться, – он нагнулся к ней и сам застегнул ремни безопасности. – Это твоя работа, – сказал он и, помня о том, что посадку Ева ненавидит еще больше, чем взлет, взяв ее за подбородок, посмотрел ей в глаза. – Где именно приходится ее выполнять – всего лишь одно из обстоятельств.

– Довольно жирное обстоятельство.

– У тебя есть преступник и есть задание. Ты знаешь, что это важнее всего остального. И себя саму ты тоже знаешь, – добавил он и, в тот самый момент как самолет коснулся посадочной полосы, для надежности поцеловал. В конце концов, посадку он тоже не любил.

За окном был Даллас.

Выйдя из самолета, Ева тут же скептически оглядела подогнанную им машину.

– Я решил, уместно будет взять что-нибудь не привлекающее внимания, – усмехнувшись, сказал он, открывая ей дверцу.

– Думаешь, чтобы не привлекать внимания, достаточно не брать цельнозолотой кабриолет со стразами? Да у этого монстра же прямо на лбу написано, сколько он стоит. Бешеную кучу денег.

– А по-моему, это выдержанный в классическом стиле седан с высокой проходимостью и полным приводом. Мы же не знаем, куда нас может занести, так ведь? К тому же он черный, – добавил он, сядя за руль и выбирая на бортовом компьютере адрес Риккио. – В любом случае машина целиком из золота была бы чрезмерно тяжелой. Вот с позолотой – совсем другое дело, это было бы в самый раз.

– Говоришь, будто уже пробовал, – пробурчала Ева.

– Чисто случайно, да, – ответил Рорк и, вырвав со стоянки, влился в поток далласских машин.

Ева еще с прошлого своего визита запомнила эти забытые машинами дороги, ветвящиеся и изгибающиеся вместо того, чтобы пересекаться под удобными прямыми углами. И дома были не как в Нью-Йорке, где старое перемежалось новым, старые приземистые особняки соседствовали с обтекаемыми небоскребами. В Далласе повсюду торчали новомодные высотки – сплошь башни, иглы, изгибы и клинья.

«Наглый вызов, – думала Ева. – Цельнозолотая, со стразами...»

Она специально старалась сосредоточиться на своем инстинктивном неприятии этой архитектуры и не думать о том, что произошло в холодной комнате одного из обшарпанных отелей в местном беспощадном квартале красных фонарей.

– Вообще, тут все как-то по-другому выглядит. Не похоже на то, как было в прошлый раз. А ведь и двух лет не прошло.

Рорк показал на один из множества высящихся над городом строительных кранов:

– Тут все время что-то сносят, строят заново. Город не стоит на месте.

– Возможно, это и к лучшему, – подумав, сказала Ева. – Хорошо, что все меняется. Может, я тут ничего и не почувствую. Как будто приехали в какой-то абстрактный город. Для меня сейчас тут все выглядит так, будто мы на спутнике. Это может быть какой угодно город, где угодно. Мне все равно.

«Но будь мне все равно, зачем было бы себя в том убеждать?»

– Нам зарезервировали место на стоянке, – доложила она, прочитав телефонное сообщение. – Третий уровень, восточная сторона, место номер двадцать два. Это на одном уровне со спецотделом.

– Удобно, – отозвался Рорк.

– Стараются угодить. Могли бы предложить парковаться на противоположной стороне здания. Но это хороший знак. Мне нужно убедить Риккио дать мне самой вести расследование. Макквина он не знает, не было повода. После похищения он, конечно, постарался расширить познания, но по-настоящему знать этого выродка он не может.

– Зато Бри Джонс может.

– Да, но она все же зеленовата. И на кону жизнь ее сестры. Добавь к этому исходную психологическую травму – уверяю тебя, с того момента, как услышала сообщение, она уже по десять раз все заново пережила. Не уверена, будет от нее польза или только вред.

Рорк въехал в гараж, вырулил на эстакаду.

– Ева, ты волнуешься, нервничаешь. Не отпирайся, я тебя знаю. Они не заметят, но я-то чувствую.

– Ладно. Я постараюсь держать себя в руках.

– Да уж это само собой. Но, может быть, тебе стоит первое время не действовать лихорадочно, а дать Риккио командовать, присмотреться к нему и к Джонс? Дать им присмотреться к тебе.

– Да, да, ты прав, я понимаю. Я просто хочу...

– Чтобы все закончилось, – договорил за нее Рорк и двумя точными движениями поставил машину на указанное место.

– Ага. Все, я себя обуздала. Больше не повторится. Иначе нужно было дома оставаться, – Ева вышла из машины, обернулась к Рорку. – Задача номер один: освободить Мелинду Джонс, живой и невредимой. Задача номер два: посадить Айзека Макквина и его напарницу за решетку. Все остальное – не стоит внимания.

– Ну так вперед, – сказал Рорк и, обойдя машину, взял Еву за руку и повел к выходу.

– Эй! – возмутилась она. – Гражданским нельзя расхаживать по участку за ручку с копами!

Рорк напоследок сжал ее ладонь и отпустил:

– Узнаю своего копа.

Дежурный записал их в журнал посетителей, выдал Еве разрешение на ношение табельного и запасного оружия и попросил подождать.

Выложенные белоснежной плиткой полы далласского Управления полиции чуть ли не искрились. Стены были покрашены в теплый коричневый цвет, чуть насыщеннее бежевого, и увешаны картинами – сплошь цветастые геометрические формы – в золотистых рамах.

Напротив стояли отполированные до блеска скамейки, и даже торговые автоматы неподалеку сияли безупречной чистотой.

У Евы возникло неприятное чувство, лишь усилившееся после того, как двое прогуливавшихся мимо полицейских бодро пожелали им с Рорком доброго вечера.

– Да что это за участок такой? – проворчала Ева. – Картины в рамах. Копы раздаривают улыбки направо-налево, вместо того чтобы встречать незнакомцев строгим подозрительным взглядом...

– Добро пожаловать в Даллас, янки, – подмигнул ей Рорк.

– Что?!

– Не падай духом, дорогая. Уверен, хоть один человек в этом здании обязан посмотреть на кого-нибудь с подозрением.

– Дежурный мне улыбнулся и пожелал «доброго вечера, мэм», еще даже не взглянув на документы!

– Безумный мир, Ева, – произнес Рорк, борясь с искушением сочувственно взять ее за руку. – Больной, безумный мир.

– И не поспоришь. Но почему они улыбаются? Они же копы. Так нельзя.

Рорк больше не мог сдерживаться. Он приобнял Еву за плечи и прикоснулся губами к волосам.

– «А ну отставить», знаю, – рассмеялся он. – Но раз уж мы в мире улыбающихся копов, я решил, это дозволительно. А вот, кстати, и первый неулыбающийся...

Ева узнала Бри Джонс, едва та показалась в дверях – в белой футболке, потертых джинсах и коричневых ботинках. На какую-то долю секунды в сознании Евы прежний ее образ наложился на настоящий, и перед глазами у нее как живое встало то детское лицо – грязное, в синяках, искаженное ненавистью и страхом.

Но видение исчезло, и осталась красивая молодая женщина с короткими светлыми волосами, мягкими чертами лица и острым волевым подбородком. Бледная, изможденная, только блестят голубые глаза.

«Усталость ей скрыть не удалось, – подумала, глядя на нее, Ева, – а вот страх старается не показывать, только самая малость проглядывает».

Бри энергично зашагала напрямик к Еве.

– Лейтенант Даллас.

Голос Бри, когда та представилась в ответ, не дрогнул. В нем была врожденная техасская протяжность, так что для уха Евы речь ее звучала лениво и чересчур непринужденно. Но в крепком рукопожатии не было ни того ни другого.

– Детектив Джонс, это Рорк, он допущен к расследованию в качестве консультанта.

– Да, спасибо вам обоим. Спасибо, что прибыли так скоро. Я попросилась сама вас встретить, хотела лично поблагодарить.

– Не стоит благодарности.

– Тогда вы тоже так сказали. Но оно того стоит. И тогда тоже стоило. Пойдемте, я провожу вас к лейтенанту Риккио.

– Вы участвуете в расследовании?

– Лейтенант Риккио убежден, что я буду ценным участником.

– Вы его в этом убедили? – спросила Ева.

Бри торопливо взглянула в ее сторону, но тут же отвела глаза, пропуская в двери:

– Да. Это же моя сестра. Я и не подумала бы его убеждать, не будь я сама абсолютно уверена, что смогу и окажу ценную помощь.

Ева промолчала.

«Походка у нее как у копа, – подметила она. – И говорит, если не обращать внимания на эту протяжность, тоже как заправский коп. Но это их заведение...»

Все вокруг сияло чистотой. Затененные стекла на окнах рассеивали свет, кондиционеры поддерживали комфортную температуру, словно не было за окном накрывшей город жарким одеялом удушающей жары.

– Здание новое? – поинтересовалась Ева.

– Относительно. Лет пять назад построили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.